

Валерий Перевалов

«Человек»: прикиды звуко-чуйных значений

В Океан-море определений человека нас волнуют звуко-чуйные значения. По Далю, чуть или чуютъ — «познавать чувствами, ошущать, чувствовать, слышать, особенно осязаньем, обоняньем, вкусом, также слухом, но не зрением»¹. Если рациональность зрела зрением, оптикой света, то для чуйности прозрачные видения ума не столь важны, не играют решающей роли. В предлагаемых изысках приоритет отдается звуку. Мы существа глаголящие. Стихия звука весьма неопределенна, границы между шумом и речью трудно уловимы, постоянно ускользают. Речевую определенность звукам придает их сопряжение с письмом. Но главное для звуко-чуйности в том, чтобы ее значения были весомы для обеспечения самой жизни человека. Ее смысло-образы не просто переживания наряду с жизнью, а максимально тождественны ей. В пределе звуко-чуйные переживания и есть самая что ни на есть живая жизнь человека. Звуко-чуйные образы плетут ткань существования человека, а рацио и видение им верно служат, без страха за свое достоинство и без упрека своей чести. Чуйное переживание жизни самой в себе как волнующей и волнующейся у себя стихии, оваянной звуками, изначально ошущимо сознанием, интуитивно для мышления. На челне письменности, вооружившись веслами рацио и парусом логоса, предлагаю всем желающим пуститься по волнам и ветрам звукочуйности в поисках новых значений человека.

Значение «значение»

По инерции начнем как бы с методологического введения. Не со звуко-чуйного уловления человека, а с платы «выхода» (дани) достойному философскому сообществу, то есть с вопрошания: что зна-

чит значение? Но и в этих условиях ига «вообще» платим, плача, тем, что имеем на «плечах» (иначе поворота и тем более переворота в традиции не произойдет, останемся на твердью обетованном берегу логосной философии). Отвечая же звуко-чуйно на вопрос чистого рацио о возможностях значения вообще, исподволь отчаливаем от обустроенного в стихию неопределенного, возможно, неопределимого. «Поминайте иногда бывшего студента».

Итак, вменяется меню: на первое звуко-чуйное осмысление писанного слова «значение». Переживание его. По-русски. С чувством, с толком, с расстановкой. В нем буквы и слоги надо так смаковать, чтобы не только слюнки потекли, но и жизнь сама бы перестала быть мила, свет почернел бы, коли б в нем все не сошлось клином, все не слилось, не отозвалось, не заиграло б. Но и в пределе, часто за пределами, переживаний главы не терять. И рацио найдется на пиру жизни уха-горла-носа почетное место. В истине всего всем хватит (такова презумпция старта).

Звучание первого слога «зна» обычно легко и бесследно проглатывается. Разобьем его на «з» и «на». Значимы ли они сами по себе? С «на» особо мудровать не приходится. Это предложение — и очень объемное по смыслу предложение. Предложение чего-то, воспринимаемое «нающим» (дающим) как нечто нужное и положительное для того, кому сие «на» предлагается. Объем «на» не исчерпывается пассивом и вещно-наличным видом («на н-наку», конфетку съешь). «На» активно, действенно уже в очень вкусной конфетке «Ну-ка, отними!». И активность может быть устремлена к ясной цели, а может быть окутана поиском в неопределенном неопределенного, вроде поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. То есть «на» может быть наказом, выбором между очевидной гибелью в обретении совершенно невозможного «на» и наказаньем казнью (на-получи-казнь) здесь и сейчас. То, что «на» не всегда и во всем «на», правда (иначе все было бы иначе). Но правда и то, что вышеозначенное, слегка и мимоходом, разверзает слишком глубинные объемы, сложные контексты, вариации «на», в коих она с помощью других звуко-смыслов превращается в иное, не переживается как «на».

В стремлении учесть всяческие возможности в определении «на» и отлить их в непротиворечиво всеобщую форму строгого и ясного определения сказывается инерция классического логоса. Чтобы освободиться от самодовления чистого рацио, нужна «универсальность» наивности. В поле звуко-чуйных волнений наивность равна «на»-и-в-«на». Непосредственное и прямое сложение с собой внутри себя.

переживание «на» как позитив позитива (есть так (как) есть) таково искомое «на». Я звуко-чуйен в переживании из наива в наив. Заорал, на бел свет явившись, матушка покоит: на-на-на!.. свою н-н-ку.

В смакуемом звуком слове «на» следует за «з». «З» — звук звонкий, одновременно взрывной и тормозящий, резко останавливающий произношение. Переживается, по крайней мере, на мой первый слух как запуск, старт, быстрый отклик на зов и/или как решимость завершения, окончания (возможно, только паузы, отдыха в процессе). «Z»ет в английском алфавите буква последняя. В бескрайней амплитуде «из» и «за» опорной, хотя и подвижной, дрейфующей, точкой отплытия слышится «здесь» как место переживания. В наиве «на» «з» — это «здесь»: стой, получи, ищи «на».

Совсем не обязательно (эмпирически не просчитано и логически не выведено), но и не исключено, случайно, угадочно, что в «з» слышится достаточно резкий прерыв, грань одного звукодействия, являющегося, возможно, предпосылкой, началом следующей активности. Внутреннее напряжение звукового зова «з», не монотонно-плавное переключение, а взрывная преемственность в нем еще более акцентируется в единстве с другим, особенно звонким, согласным, например с «д». Здесь, здание, вздор, здравие и т.д. Замечательна серия взрывных согласных в словах в-з-д-р-о-г и в-з-г-л-я-д. Но вернемся к «на».

Чутье мне внушает, подталкивает к тому, что в единстве с «на» «з» есть редуцированное «здесь», зов: будь готов, где-то в этом месте «на». Но как потенция, как скрытое, как «до», которое на-до искать/уловить/получить. Можно предположить, что в сравнении со «з+да» в «з+на» больше потенциального, поискового, причем это находится в каком-то соответствии с различием осязательно-вещного и ментально-идеального. Здание налицо, а за-дание, за-дача — в потенции, как и знание. Правда, «зна» может быть и просто указанием-констатацией (через символ) присутствия: зна-мя, т.е. здесь мы наше «на» утверждаем — твердо, до конца (до «я»). Открыто, чтобы все ведали, даже если не видят своими глазами, заявляем: здесь наше, мы встали-стояли, стоим и будем стоять навека. До донца. Присутствие в «з», где наше «на», мы крепим нерушимо, утверждаем вечное пребывание, страсть расти и расти все без старости. Мы зна-мы — знамя суверенно-суверенное.

Что же предлагает искать/получить «зна» в «значении»? Вероятно, «че». В окончании «ние» нет нового, нет прерыва. Это повторяющееся «на», повторяющееся в продолжительном понижении «а» в «ие». Если догадка (мое чутье сплошь в дебрях, лабиринтах загадок.

играет в угадку по приметам, случаям, которые — не исключено — порой могут образовывать и весьма сносные с точки зрения радио ансамбли устойчивости, самостоятельности, гармонии и т.д.) правильна, манит нас в верном направлении к приемлемой в данной ситуации отгадке (не разгадке как универсальному ответу), то полнокровное «на» и «на» в понижении-распространении, но и в рассеивании и стихании истекания окружают «че». «Че» по звукозаписанию оказывается внутри «здесь», в котором «на» искать/получить надо. «Че» есть искомое «на» в «до».

Если здесь «че» таит «на» как исток нашего положительного утверждения, ради дления коего мы готовы пойти до конца, в(за)предельность жизни, то имеет смысл представить «че» как сердце всего слова, проникнуть в его собственную чуйность в конкретности «значения». Что же есть «че» в срашенности «значение»? Ответ просится на язык в озвучивании, если поставленный вопрос переживать в концентрации чутья («в контексте выводов») остальных звуко-смыслах слова. Зайдем от противного, от результата (интересно: результат (в чем-то) противен). Допустим «на» найдено, знамя водружено, изменится ли «че»? Непременно, иначе... Вот именно: «и-на-че»! Положительная связь, со-в-местность «на» и «че» невозможна, бессмысленна без изменения искомого, т.е. намеренное и найденное не тождественны, обретенное искомому как приемственно, так и противно. Оба сопряжены в процессуальности и результате, которые вмещают в свое единство не-что ненамеренное, неопределенное, «до» их актуального взаимодействия, но подключившееся к нему в самом процессе актуализации, может быть в силу случая, оказии. Но все же и указность налична и, направляя процесс, наполняет его искомым как найденным. Приемственности, срашенности в одно иначе нет.

«На», меняясь само, расширившись в удовлетворенном стихании «ние», наполняет «че». Как именно? «Точка» выводится дедуктивно и в звукочуйности: положительным наполнением, «а» из «на» переходит в «че», замещая в нем «е». Это превращение-замещение/вымещение «че» в «ча» среди «на» и «ние» прогрессисты определили бы как восхождение, а логики как отождествление (явно не строго однозначное и не всеобщее необходимое). Звуко-чуйно же, что случилось, то случилось. Двигаясь с начала слова «зна-че-ние» и с конца, обратно ни-схождению получаем «ча» как исполнение «че». Случился случай «ча». «Ча» — отгадка «зна-че-ние», в нем тайна истока, сердцебиения конкретности, срашенности звуко-чуйных смыслов да-н-на-го слова.

Общая динамика «значения» образуется из двух этапов. Первый состоит в указании-констатации: здесь на. Второй: меняет «на», исполняет «че» в «ча» и распространяется в «ние». При этом оба могут сливаться в одно, преимущественно первое действие, как бы не углубляясь в сердцевину слова, устремляясь от одного указателя-констатации «здесь на» к другому «здесь на», тем самым постоянно вынося «ча» за скобки, выталкивая за пределы значимости, образующую конкретность.

Когда объем «зна» ограничен, закрывается² для поиска и исполнения сердцевину охваченного «здесь», тогда в означении второй этап отличается от первого. Двойственность чутья придает глубину, магию звукоосмысления, объем тайны в произносимом внятно. Впрочем, и однослойное, редуцированное к поверхности соотносимых значений звучание является скорее спящей царевной, чем полым гробом хрустальным, полным отсутствием сверхсказанного. Если же в исполнении «здесь» поиска «че»-го-то в «ча» акцентируется находка, радостная встреча, то «ча-ча-ча» становится отгадкой самой по себе. Восторг от звукосочетания «кукара-ча» или «муча» не требует от поющего «предметного» знания с чем или с кем он встретился. Напротив, провозглашение «ча», особенно сладкое от запрета и преследования, часто резко идет на убыль, когда поющий узнает предметное, часто прозаическое значение того, в чем он утверждался, как у стилиаги, узнавшего содержание протестной песни его молодости «бессемемучи».

В большинстве случаев игровая связь между двумя слоями звуко-чуйности более взвешена, взволнованно дрейфует вокруг их стечения в подвижном перекрестье. Не могу судить о звукозначении «чача» для популярности грузинской водки, но мнится мне, что в признании народным героем Чапая без мистики звука не обошлось. Звонком должен быть примечен вначале, чтобы хотелось многим о нем молвить снова и снова, не особо стремясь различать правду от вымысла, ибо не приврешь — не расскажешь, без ошибок дела не сладишь.

Искомое исполнилось, «че» стало «ча» и встреча длится. «Ча» соедино здесь с... Ни с чем более кроме «с», ча+с определены, а предметность неопределена, метрика времени в том числе. Это не час на часах, именно потому, что на часах он, в массе опосредований вне-звуко-чуйных. Это переживание связи с ча, его нельзя даже противопоставить «или никогда», отравить протекающее ограничением, выбором. Этот час часов не наблюдает, невозможно ему выходить из себя, собой оставаясь. Сам пройдет, как и пришел — наивна. Попытки прикрепить «ча» связями со всех сторон с любой предметностью, утвердить последнюю как устой, крепостную зависимость во всеоб-

ше универсальном «ча» призрачны, ущербно супротивны. Час-на сей-час, «С-ча-ст-ье» час-но. Даже час-тое оно не сплошно в звукочуйном осмыслении жизни. Страшно произнести: чаша непролазная счастья. Час — довольно для нас. Не совсем уже редкий, но и не невыносимо густой и вовсе не одинаковый во всем с остальными (не общее выражение лица залепят кисельные берега).

«Час» то полнится, то, ширясь или восходя, рассеивается. Эта пульсация перекликается с тем, что мы заметили в «значении» с «на», оборачивающимся в «ние» через «че». Угадывается напряженность их встречи и оборачивания-превращения во взаимодействии, согласовании звучания в целость слова. Перекресток «на-ча» или «чана». Здесь возникает — на час — динамичная устойчивость, в сращивании поиск и обретение искомого результативно стихают, образуются в одно, «образумливаются ради целого и в нем». Единение предполагает компромисс, допустимый прежде всего в озвучивании гласных (письмо вначале концентрировалось на согласии согласных, допуская тем самым изменчивость гласных, их большую валентность и вариативность в обретении смысловой целости, в образовании единиц дописменной речи). Наиболее компромиссна в союзообразованиях «и» и, вероятно, «ы» как придание твердости, нерушимости достигнутому единению.

Окунемся в шум перекрестка «на-ча» и «ча-на». Последнее как на-полнение «ча» успокаивается в чане, бывшем до сего часа полым, полным не «ча», иным. Наши переживания-чаны то полные, то полые. В Советской Армии новобранцев звали «чайниками», подчеркивая их первую, низшую ступень в службе, неумелость и зависимость исполнения «че» в «ча», наива понимания службы в ее официально-уставном и налично-обыденном течении. Чан(ы) более нейтрально к отрицательным оценкам, сказывается как «чаша» наша, общая, значимая в «час»е или как частно-приватная, обиходная, личная — «чашка». Чан, чашу как процесс надо постоянно чанить, порчу починять пополнением «ча». (У) На-с чин-по-чин, за-чин. «Че»→ «ча»=причинение, при-чал. Частота, способы, средства и формы связывания «ча» с «на» образуют «чанность», «Ч-ванность», «причашность» или более привычно для нынешнего слуха «причастность». Или на-у-чно «чин». Здесь фиксируется связь (и устойчивость ее) между «ча» и «на». «Чин» (как бы) гарант часов, того, что он наступит, и не однажды. Хоть раз, на час, значение наше исполнится чином (чаном), по-быть при-чин-на. Чиним(ся), причиняем и подчиняем себя и других от порчи «ча», раздаем и пересдаем чины вокруг общего «чана», вырываем только себе или можем мимо пронести ту или иную чашу, пере-

полняем ее через края и опрокидываем опустошенную до дна или разбиваемую вдребезги. Чистим, частим... Мельтешение и круговорот, возведение и сокрушение чинов в звукочуйном чане.

«На-ча» передает, сеет ее же волнение как процесс, процесс, протяжение с определенности какой-то тянущееся. На-ча чанить. Полнится начинкой, искать чем бы при-чинит(ся). Счас сказанного достаточно для осмысленного озвучивания пульса срашивания «нача» и «чана».

Не лишне освежиться в струе чи-стого звучания «чи». Посмаковать музыку слов, полнящихся магией от непредметного произношения. Чио-чио-сан. Для тех, кто не выносит бессмыслицы и околесницы, позволим напомнить фамилию одного приобретателя, чинного необычайно со всех возможных и еще более невозможных сторон. Чую гений Гоголя, одарившего покупателя мертвых душ самой чиновной фамилией. Несравненно и незаменимо: чи-чи-чи! Душка Павел (или Савл?) Иванович! Многое хочется услышать из уст господина Чичикова, да умчался, говорят, на птице-тройке и час нашей звукогимнастики истек.

Остался в конкретности значений «значение» последний шаг. Решающий. Существует ли «значение вообще», потусторонним «само по себе» или лишь в единстве с поюсторонним, с более или менее исторически конкретными, самостоятельными, совершенными образованиями? Отвергая зависимость от рациональной обеззвученной оптики, утверждаясь в стихии звуко-чуйных переживаний случая «ча», я вслушиваюсь во второе. Существование-вслушивание в случай за случаем. Ответить на вопрос, что есть «ча» вообще без «уточнения» (=смены принципов мировзаимодействия) кому принадлежит сердце «значения», как оно бьется в разных лучах счас, нельзя. С этой интенцией звуко-чуйного переживания значений перекликаются и выводы современной логики о неполноте формализации и нерешаемости многих проблем без выявления их соотнесенности с субъектом. Собственно, все мои рассуждения о значении были пропитаны тем, что они (со)переживаются кем-то. Настал час артикулировать специально их носителя. Знамя значения на ось нос(а)-и-тела вчинить. Звуко-чуйно «че+ча» — процесс ис-полнения и у-текания, пульсация закрыто-открытого дления их носителя-актера-деятеля-субъекта, его самоотождествления в различениях и разностях, сопряженное с различением развития усложняющегося тождества, с идентичностью самовитости. Проще с «мы» и «я». Звуко-чуйно образуется «мычаяние».

Ну, что получил! Домыкался до мычания! Прост, как мычание! Оскотинился!

Что делать, из звуко-чуйного переживания словленного не выкинешь. То-то-и-мызм. Но и Вы-то гордецы какие! Свою особенность ни с чьей другой особенностью сопоставлять и измерять не желаете, заранее утверждаете, что Вы не от мира сего. То есть воспроизводите ловушку потустороннего «вообще», исключаете себя, любимого, из мира исторически-конкретных естественностей. Воля Ваша, а я от простоты мычания не отказываюсь. И бог обращался в быка — Европа началась с ее похищения Зевсом именно в этом облике. И скот был вовсе не мифологическими ваучерами, а съедобными в день черный деньгами. И первая буква многих алфавитов «а» первоначально означала быка, алеф. И много еще чего можно сказать о чайности мычания в жизни людской, не так-то оно просто, не так непереносимо обидно. Для начала вполне могло сгодиться. Но ссориться с гордостью человеческого рацио не будем, тем более для звуко-чуйных переживаний выбор единственно верного начала и строгая непрерывность однозначно друг за другом следующих логических выводов не столь судьбоносны. Оставим «мы» в покое, займемся любимым «я».

Я — чаяние, погруженный в волнующуюся и волнуемую меня стихию «че→ча», шепот, ропот, бури завыванье з(десь) «на-ние». Значения есть чаяния, встреча с на-полне-нием их и рассеиванием исполненного в поисках новых встреч в и-на-х здесь, в откликах на частый зов счастья вплетается мужественный ответ — я-зык самовитости носителя чаемых значений.

Как быть, если мое чаяние заключается в том, чтобы отвлечься от всех-всех остальных-чаяний, кроме чистого значения в себе и для себя? Вложить свое «я» в обретение и накопление таких отрешенных от других чаяний значений, в абстрактное знание. Значение без «че→ча» есть знание, отвлеченное от всех мет физических, есть абстракция Мета-физики, мышление в себя и для себя. В утверждении его говорят о воле к знанию (и «воля» вне чаяний неизвестно что и откуда взявшееся), а знание-то само якобы только в чистоте самодовления существует. Когда же мета-абстрактное знание утвердится в расширяющемся эго-центризме, в перестройке значений чаяния по своему, и о воле забывают, мышление машинизируется в самонарастании. Правда, о воле вспомнят, когда придет пора воплощать Знание оттуда сюда, тогда пробьет час воли к власти «сверх» над сырым сырым миром. Но о чаяниях людей и вещей (не все же они «мертвые» и все не «первоматерия», готовая воспринять внедряемое с охотой и любовью) и здесь предпочитают не вспоминать, не дают им свободы бытия и самовыражения. Внутри границ абстрактного знания замкнутость на «я» забывает о своей неразомкнутости, неразмыкаемости

с на-полненным чаяниями «я»; первое мнит, что возвышается путем отстраненности и принижения второго. Такое знание есть здание, обиталище отрешенностей, абстракций как самоцелей, пребывающих вне стихий, в вакууме чайний. От-чаянное знание. Но не абсолютное, не ото всех чайний бесповоротно и окончательно отрешенное, так чтобы нас нет вообще, а оно бы осталось, даже бы освободилось от забот просвещать инобытийное своим воплощением в него. Дерзостное чаяние возвести здание абстрактного, но не абсолютного («вавилонского») здания на своем месте необходимо и возможно, и именно отрешенность — на время — от пульса остальных чайний полезно и эффективно для него и в «смягчениях» несоизмеримостей, в обусловленности восприятия его результатов для носителей всех чайний. И лишь самодовление — не самостоятельность, не самодостаточность, но именно и только самодовление, чистота (якобы) совершенства замкнутого (изолированного, негативного вакуума от всех и против всех «ничтожеств») — выталкивает и замыкает абстрактные знания ума в заумь Абсолюта. Там он обнаруживает себя в объятиях веры, которую трактует как сверхразумность. Не первосортность в зауми сводит ум с ума (или тянет назад из зауми?) вопросами о том, как ужиться с абсолютностью веры? Что есть знание и зачем знать? Мучение о своей сути, о родности и чужеродности, распятие в «началах» и «концах» от-чаянны для знания, дерзнувшему отрешиться от чайний живого. Пусть добровольцы-гордецы мучаются (чаю и они не избавлены от участи мычания на свой лад) проблемами «чистого» знания; я не чую, разрешим или нет вопрос сей сугубо рациональными способами и средствами. Для звуко-чуйной глуши тот вопрос не вопрос, а всего лишь вопрошишко. Знание — как постоянное, устойчивое (контролируемое — для управленцев и отцов-командиров) значение пребывает в свете чистого разума, определяется его концептами, структурой, формой и свет этот ослепляет, скрадывает зависимости знания от пульсации «че→ча», на-полнении чайний своего живого носителя: мы, вы, я. Ответ проще пареной репы. Если чуют, то знающий — знать. Чаю знать, чтобы знатно чаять. Чающий знатно знает чаяние в подлинности здесь и сейчас (в Идее не обязательно). Значение значимо как жизнь, иногда больше жизни, своего искателя-носителя в его чаяниях. «Что» — и в абстрактном «вообще» — напряженно (диалектически, не без труда, не сразу, не с теми, не так) совпадает с «для чего», «за-че-м» в «кто есть и кем надо быть», день на-полняя данью чайний.

В контексте звуко-чуйного смакования «знать в Знании вообще» приоткрыла тайну своей чистой «замкнутости», призналась в у-вязности нераздельной с чаяниями кого-то. Удельный вес и динамика

значений слов у Знания вообще отличны от сих параметров в «восторгах» чаяний. Генеалогическое древо и статус знати от-чаянной не те, что у знати чаяния, важна в первой — суший пустяк, а то и небывальщина во второй. Переключки несоизмеримых (в строгих однозначностях), транзит меж ними, изменяющий своим вторжением волнение обычных границ сосуществования — все особы сиятельные, чинные и чопорные, требующие знатного почтения, соблюдения почитания во всех деталях и тонкостях. Не будем их тревожить, довольно им докуки нашей.

Добавим напоследок пару примечаний, следов, отметин звуко-чуйности в гнезде значения «знание-чаяние». «Знак»: здесь «на» (исходная в поиске, довольно неопределенная направленность) усилена и более точно, жестко определена в направлении, ограничена конечностью — «к». «Знак» — примета, метка, пред-угадка чаяния, его орудие-оружие, средство достижения, входящее в на-полнение, в цель-целое. Вооруженная метами в примеченное чаяние примечает, привечает места, где оно исцеляется, наполняет свою полость полнотой цели. Знакомство (знаков ком) позволяет чаянию — ум-е-ло умному, мышцей ума владеющему знатно — быть метким, метать в цель целно, без промаха. Вы-метаясь из себя, полнится больше и лучше пораженным, вырванным «из вне и мимо нас» бывшим. Приметно-приветное чаяние поразительно встречаемо³ выскакивающим вдруг перед ним. Здесь не зевай: чтобы означиться в его противу-знатности и обознаться (утратиться) в своей, от-чалить от себя прежнего ради в-ча-я-ния во вне, оборачивающегося тобой буд-ним, т.е. настоящим-будущим. Будна набута (ныне «обут», полон «на-на», истекающим в будущее). Ух, пора передохнуть, приправить наполненность чаяний тишиной и покоем. Здесь чаяние молчание.

Не тут-то было. Критик всегда сверх любого верха, одно слово — профессиональный супер. «Логика никакой. Начал неизвестно почему отсюда, привел, нет, оборвал в никуда, видишь ли, молчания вдруг захотелось. Кое-как плел что-то, скажем мягко, полувнятное, где густо — где пусто, кидался из стороны в сторону. В общем, чудил. Не то что закона, мало-мальской регулярности, повторяемости в той... как ее там? да, в звуко-чуйности (ну, и названье, прости господи) не просматривается. Калейдоскоп встрясок, гам переключек, произвол, каприз — к→приз! — фу ты, черт, никак заразился — крайняя необоснованность переливов-перепрыгов в звучаниях слов. Измени букву, написание буквы, разбей иначе слово, переставь ударение — из-за любого такого пустяка Смысл изменится, вернее, исказится, рассыплется в пух и прах. Кратилово течение: не успел приметиться, а уж

утекла примета (предмета нету! — точно, с...ла сошел). Гиперинфляция смыслов, вакханалия, случай на случай скачет и от случая к случаю случает. Хаос...»

Пока я чаялся в молчании, Критик (во мне) не унимался. И не уймется ни на минуту. Впрочем, так ему на роду написано: непрерывность тождества. Прерыв равен гибельной опасности пропасть в пасти бездонной разности, потерять нити следования от истока к устью. Сосредоточься на определенности (почти пред-определенности) необратимого, плавного, ясного, четко руслом ограниченного тока речения от истока до устья, однозначно утверждай всеобщность и необходимость внутренних связей целого, но о началах и концах молчи. Ибо в начале есть начало начала и т.д. до бесконечности. Конец конца аналогичен. Неопределяемую неопределенность их выносят за скобки постигнутого (в возможностях Вообще). Поэтому если логика не чудо, то только потому, что в ней утрачено (не исключено в сознательном договоре умолчания профессионалов о самом-самом, о своей ахиллесовой пяте) чутье на чудо. Атрофировалась чуйность «на» и «да»: надо, дано, день в день, надень, на-на, да-да. Чудо есть чутье «да» в его потенциях «до». Я хочу быть чудачком, хоть однажды, пусть совсем случайно.

Через случайность и в ней я пытаюсь приоткрыть тай-ну (ну-ну тай) чуда, вернуться к истокам интуиций рацио, возникающим, как мне мнится, из образований переживаний воображения. Образы воображения не в видимостях рацио, а в звуко-чуйном проживании, сплетающих саму ткань (не видимые рисунки на ней) жизни. К чуду ведут следы звуков живого языка, отпечатанные в письме. В этом шуме-гаме не могу не чудить, не гадать, не воображать, не измысливаться из мысли, не прикидываться то тем, то этим, не кидаться в омут нечаянной встречи незнамо с чем и кем. Ошибаться не хочу, но без сбоев, сшибок и ошибок, про-махов в поражении-заражении приметозвучания, увы, не обойтись. Искры вы-шибают(ся) ошибающимися, они выше — в Вас, нас не от-торгнувших лучи случая лучшего.

Если затея сия взволнует других, они ее подхватят, поддержат, выправят мои ошибки, залатают дыры, пополнят пустоты, не избежав и сами неточностей звуко-чуйного переживания. Если затея заглохнет, то любое меткое звукочаяние будет не гранью истины живой, а чудоковатостью одиночки. Не признающие звукочаяного слова смысла, чайтесь иначе, от-чаянием логики формальной, например. Не хочешь — не случай, а забаве дитяти не мешай. «Вообще» прощай, не чай лихом. Я продолжу чайть звукозначения сейчас. Сей час! Чёс, сечу логической косматости слов в чане своем проведу.

Какое молчание испортил, логак! Глянь и оставил бы чудик торбу писаную не озвученной, но супротив суперкритическому умнику попер на принцип, он же случаи сличения чайний чинов. Выиграло ретивое: логоснись на всю катушку, просмакую косточки, системообразующие слова Аваса доцента до цента.

Пан запаниковал, как Паниковский: «А ты, кто такой?» Да такой же, какой и Вы — Человек. Спасибо, за подсказку-указку. Начну чес с почтения «человека». Сейчас сей час? Чайния человека.

Чаяния человека

Не счесть томов, не обозреть умов логосно и не очень логосно стремившихся определить: что есть человек. Без ответа на этот вопрос, попадешь в тупики незнания очень многого. Мнится, что Пилат не знал, что есть истина, из-за презрения и равнодушия к человеку. Изверг звуко-чуйные возможности из его определений, заведомо отнес их к ничтожеству как в цивилиности, так и в варварстве, как в кладе, гладе и смерти, так и на троне сиящей удачи — все суета сует и всяческая суета. Равнодушен, ибо скептически оценивал потуги рацию выбраться из лабиринта проблемы: буди взят человек сам по себе как мера всего и вся, буде приобщен и поднят до Космоса Природы и Богов бессмертием у(ю)ных, сильных и прекрасных. Есть ли среди людишек — и были, и будут ли — Гераклы, смертные бессмертье Олимпа обретшие? Нет, говорит наблюдение и опыт, знающий «кухню» дворцов. Не было вовсе, то басня, забава пустая — точку рассудок холодный поставит.

И все «в воле к знанию» о человеке писали неугомонно блестящие строгостью точные перья, в фундамент клады рассуждений определенья рассудка (разума, логики). Но для чайний печи царство строений логичных тридесатое ныне.

Учуйного в очаге значения «значений» достаточно для начальной ориентации, первичного прислушивания к тому, в ком он трещит и трепещит, чьим зна-ме-н(и)ем является. Не лишне познакомиться ближе. Раскланяться, протянуть рекомендации от лиц известных и уважаемых. Звуко-чуйные смыслы «значение» представляют чаяния «человека», зовут любить и жаловать.

Начинаем смакованием звучание слогов конкретности (срашенности) «человек», пытаюсь разжевать каждый из них до изюминки особого веяния. Че-ло-век — так представляет нам предмет современная грамматическая разбивка слова на слоги (молекулярный уровень). Если оставить в тени (вынести за скобки) смысл «че»→«ча», обнару-

женный в слове «значение», поскольку мож. в случае с «человеком» эта молекула звукочуйности проявит иные свои свойства (валентности), то проникновение в загадку «человек» легче всего начать с последнего слога: «век».

Век — 100 лет жизни в современной метрике. Не многие называющие себя «человек» дожили до столь почтенного возраста, да еще сохранив ум и память, вообще какое-либо значение помимо долгожительства. Всеобщий, кучный «демократический» подход к наделению значением «человека» подавляющего большинства не доживших до 100 лет людей предполагает уступчиво-мягкое толкование сего значения: не как эмпирически-фактического рубежа, до которого дожил или нет претендент, а как пожелание (зашевелилось в тени «че») прожить 100 лет и более. Следовательно, «век» не жестко фиксированная единица времени. А неопределенный срок (долго ли, коротко ли; но чем дальше, тем лучше при тех же условиях) жизни в значении «человек». Если же мы разложим молекулу «век» на атомы согласных, редуцировав главную «е» в направленности от первой ко второй, то возникнет, выявится как на проявленном негативе, остов слога-окончания: в→к. Направленность, скорее всего идущая изнутри активность= «в» к чему-то= «к», можно трактовать не только во времени, но и в пространстве, таким образом максимально расширив диапазон значений «век», что и есть возведение его в философский — универсальный — статус. Направленность, устремленность того, что дано каждому из нас, скажем «жизни» как непосредственно чуемой при всей ее неопределенности, к чему-то — прямо ли, криво ли, достигаемое ли постепенно, капля за каплей или враз и полностью. Последний вариант очень похож на чудное мгновение, в котором бы желательно было остановиться и остаться навсегда⁴.

Прекрасный человек — мгновенен: миг на век = навек сваяны. Миг=навек. «Мгно» — это перестраиваемое веянием «много» и сваянное так, чтобы, вместив весь позитив века, в пределе бесконечного, законсервировать его герметично, замкнуть абсолютно в переживаемом чаянии, исключив веяния остальных чаяний. Чудо часов не наблюдает, ибо само есть час и только сейчас. Миг-навек, или мгно-век — это полная и окончательная мера человека. И коль он измерен совершенно и смирен со своим мигом-веком, то, сколько сие веяние ни длись, это его с-мер-ть. Смерть как позитив полного исполнения чаяния, совершенно тождественного повторения совершенного образца в бесконечности.

Простой, обычный-живой-человек мигает, моргает веками, мигами-веками. Живые затворяют на крепкий замок веки умершему, как двери дома закрывают: пока длится сон, будь (с)покоен. Отворяются

ли века для пробуждения вновь в новую жизнь, будет ли в ней чудный миг=навек? Моргание веком требует особой силы. Опущенные до земли веки Вия поднимали его сподручники и могли помочь сморгнуть (какими?) глазами своему начинщику-зачинщику (шефу) нечестью только в ночи. Ясно, что сила пробуждения в ясности ясной — особая среди особых, исключительная: чудо чудное, диво дивное.

Специально математически и логико-рассудочно необработанное, житейское понимание человека, получающего все разом, говорит о «неотъемлемости элемента» неожиданности, вдруг происшедшего: и веком не мигнул, не успел сморгнуть. «И ахнуть не успел» — у И.А.Крылова о встрече мужика и медведя. Чаемое чается, но случается нечаянно. Если нечаянный миг-век положителен, то в нечаянной радости сияет с-ЛУЧ-айность. От-чаянный логос подчеркивает в случайности прямо противоположное и стремится исключить ее из непрерывности «вечности самой по себе».

Звучоуно «человек» век част веча «на», веч-но-сти с-ЛУЧА-ев жизни. Мигающий веком чает стать в счастье и смерти (обыкновенной, коль она неизбежна) мгновеком. А-вось в пределе случается как «весь», полнота, целось. Отморгавший своими веками, перестает сам поднимать и опускать «ве» чайний в «к» случаев, застывает в покое и хладе, есть «часть» «морг»а и предается (должен быть предан) другими в этом не-чаямом сне (вечном?) условиям хранения клада драгоценного — на кладбище.

Увы, наш «век», как любая направленность, конечен. Окончание стремлений человека двойственно: предполагаем жить и вдруг умираем. Логическое и чаемое переплетаются и перекликаются, обращаются друг с другом и друг в друга. Прерыв «в→к» наступает как в максимальном достижении всего того, чего добивался, как и в обычном, неполном истечении: недолюбив, недокурив... (а надо бы еще на дыбе чайний помяться). Правда радио (неосознанно упивается), что позитивная полнота свершенного и застывшего в изолированном совершенстве от иного, хотя бы «ничто», есть жизнь вечная, а не смерть смиренная. Но именно в исполненности «вечности» по радио обнаруживается его зараженность чайнием (лишь самого себя) и тем самым почивание «вообще». Вотче его избавление от чайний: от самого себя в себе не убежишь. И поэтому через то ту, то через другую отстраненность логос, в самых от-чаянных единицах его проступает тяга и связи с мистическими и дьявольскими силами, высокохудожественной образностью, житейскими приметам. Упокоить навек шута звуко-чуйности в хрустальной полости логоса не удалось (не тогда ли началось искусство, когда тишь туши жертвенной вдруг ожила в случа-

ниях, кривляньях шута?). Как бы ни случилось, что случилось, а человек смертен. И как миг, чудом полный, и как попусту веками проморгавший. Туга тетива лука жизни не трепещет в смерти самозвонами чайний.

Скорбь безутешно горбная и немая распечаливается первым вскриком чайний входящих в век-миг. Печаль всегда чуть-чуть светла, искрится, переливается, мерцает. Застылось хладная, окоченелось по ушедшим в тень и немые оттаивает пока много тех, для кого конец чайний не конец, а очередной венец мига-навека.

Нас пульсирующий миг-век ведет из последнего слога «человека» в слог срединный. Раз последний слог оказался сосредоточенным на звуко-чуйном осмыслении процесса в его конечности, то не исключено, что срединным слог окажется в конкретности значений «человек» сердцевинным. Что же значит «ло»? Или менее длительное, более оконеченное, удовлетворенное звенью собственного полнозвучия звено «ла»? Что же это за жизнь, сердцевину чайний которой составляет «ла-ла-ла»? Или еще мягче: «ля-ля-ля!». Или совсем умирительно-ласкательно: «лю-лешки-лю-лю!».

Видно, автор совсем «ай-лю-лю!». Решение проблемы человека — дело серьезное, объективное знание его сути предполагает обобщения разнообразной массы тщательно выверенных фактов, логически строгих построений, раскрывающих необходимые законы его существования в мире. А тут какие-то вздорные сантименты, ускользающие от точно однозначной фиксации. Всяк звучит по-своему и даже наипростейший всякий раз наново.

Такие серьезные претензии я воспринимал очень серьезно, я бы даже произнес сурьезно, да боюсь сие покажется дразнилкой многочтиму оппоненту. Оставляю за ним право изучать человека по-своему, во всей мощи и блеске научной классики. Сам же, как малый несерьезный, буду продолжать понравившуюся мне курьезную затею. Есть ли у меня аргументы в пользу того, что простофиля, но не круглый дурачина, надоедливый, но в общем безобидный («социально неопасный») чудак, всюду дудящий «ду-ду»? Можно долго было бы рассуждать о моих попытках, в чем-то небезуспешных, решить проблему «человека, индивида, личности» рационально-научными средствами. От того опыта я не отрекаюсь, он дал мне то, что не смог бы дать никакой другой вид исследования. Но это совсем другой предмет и подход, чем нынешний сказ. Сейчас я блуждаю по джунглям иного леса. Мну поросль почв вне радио-логоса. Каждый в своей суверенности — это два мира «человека», в евклидовом пространстве они «параллельны» и несоизмеримы: то, что одному впрок, другому —

в смех. Иначе бы каждый из них не был отдельным лесом в бесконечном заповеднике «человек». Зачем заранее, априори узить его свободные за-пределы до одной-двух граней, например: рациональное (формальное, диалектическое и спекулятивно-теологическое) и иррациональное (чувства, воображение, вера и воля, предавшая радио ради собственной самости и власти). С точки зрения классического радио подобные различия и разделения очень легко предстают как раздоры антагонистов, которые позволяют узнать другого как супротивника, сохраняющего самость лишь в изолирующем обособлении противостояний остальным. Суверенность каждого пропитана страхом гибели в подчинении иному. Дилемма либо все свое, либо сплошь чужое, либо свобода, либо рабство — неискоренимая черта классики. Поэтому, чтобы уберечься от падения в эту смертную пропасть, чтобы повысить возможности рационального осмысления бесконечного разнообразия человека, чаю, нужно радикально усовершенствовать понимание радио самого себя, своей сути и способов ее выражения, более четкого осознания своих возможностей, средств и условий, границ и преобразований при их переходе. Надеюсь, безусловно придется — и не раз — и мне пуститься в чащобы рационального в поисках истин человека. Пока же уместно провозгласить наряду с исконным в философии суверенитетом Радио суверенитет Звуко-чуйности с признанием незаменимости и несоизмеримости каждого из них в своей отчине.

А почему бы не прислушаться к «ла-ля-ля» и «люшеньки лю-ли»? Не способ ли это русского человека сжиться с неисчислимыми, бескрайними, далеко не всегда приветными просторами своего обитания, придав им уменьшительно-ласкательное именование? Пронзенное малым, но искренним чувством приветом, разве не должна эта огромность ответить приветом чающего? Поле страшно как полище, но полюшко до боли, до слез благодарности и умиления уютно и навек свое. Не чуждо и мне слишком чаемое. Когда хорошо, напеваю с молодых лет молодым гласом именно «ля-ля-ля!» в разных вариациях. В люльке, с теплом и лаской с млеком матери впитано и укорено это до всякого разумения. Разве не светлеет, не становится радостнее на сердце суровым, заматерелым в битвах мужам и седым мудрецам, когда они слышат наивный детский щебет? Не он ли оказывается самым цепким и крепким на крутых обрывах жизненного отчаяния? Может, философу Фоме не хватило при встрече с Вием не только осенения крестом, но и смешинки простодушной? В распевании простых звуков человек не менее свободен и самостоятелен, чем в логических умозаключениях. В конце концов и во всяком случае радио провозг-

ласил человека свободным в том, что не ущемляет свободы других «я», и по сему имею право на «ля-ля-ля!» в сердце своем. Пою и лепится в чаемых звуках радость, от переживаний розой веет. Завтра будет завтра, а сегодня, распевая, сердце молоденелось. В младом чаянии уделялось, терялось в уделе «ля-ля-ля», не мысля княжество свое покидать. Можно счесть «ла» в качестве «миг-навек», одного из концов-венцов человека. Не формально средний слог слова, где звучание безразлично смыслу. Особенно в женских именах: от праматери Лилит до нимфетки XX века Лолиты. Лотос и лилия. Звуко-чуйно это осмысленное переживание, недаром мелодичный припев был олицетворен славянами в живое существо — в Леля. Для начала достаточно переживаний, чтобы почитать «ло», «ла» в контексте «века» как с-вершения в конце-венце «миг-века», так и в сплетенности с приоткрытым выше наполнением «че→ча» «значения» сердцевиной «человека». Ал-ли-луйя!

Связь между слогами «че-ло-век» становится все ощутимей, плотней. Но обладает ли их неразрывность эластичностью? Не приоткроются ли прибавочные смыслы в слове, если поиграть смещением привычного грамматического деления его на слоги? Если молекула-сердце «ло» притянет к себе, например, атом-букву «в» из молекулы «век», получится «лов-ек». Направленность к-«к» сохранится, но станет более неопределенной, расплывчато-распыляемой в неисполнимости. Например, «поди туда не знаю куда» как поди затем чего, скорее всего, и не надо никому совсем, лишь бы от тебя навек избавиться. Здесь в ушербной молекуле «эк» («е» обернулось в запредел неопределенности нескончаемого «э») еще сохранена направленная инерция посылы, зависимость от «в»: эк послал, не вернется ни за что. Ясно, что от личного посылы за Можай (в невозможность) до массового «зэк» помола нужна сила воли государственного насилия. Ядерный всплеск эмоций в матерном посыле не столько посылает, сколько впечатывает адресата и смысл слова концентрируется в экспрессии «гвоздения», а не в значении. Экспрессия эмоций стушевана в обращении «чел-эк», к слуге в трактире, половому. Уничтожительно снисходительная презрительность подчеркивает, что сила чаевых посылного в покорности «чего изволите?». «Чела-эк!» не звучит гордо, звукопись «иконы» нередко перемежается икотой.

Убывание в одном месте соответствует прибавлению в другом. «Ло» обретает внутренне-напряженную направленность и определимую целость, способ образа жизни сердечного пульсирования человека. Ло+в=лов. Устремленность «в→к» истекает из «лов». В развернутом смысле звуко-чуйности «в» вибрирует, сжимается и разжимается, выстреливая в направленности к «к». Че-лов-век.

Человек-ловец, ловчий. Его «че→ча» осуществляется в ловле миг-века. Не проморгай улов, лови удачу мигом-навек, лови, не устывай, много-много раз! Поймавшему сейчас счастье — слава! К славному ловцу лов льется лавой, случай за случаем так и прет, так и прет сам в руки. Зависть не таких удачников и неудачников — тень на плетенья полного лова. Полная уловом полость лова — лиха, полая полость — хила. Доверчивые, простодушные чтят славой лихого, удалого ловца, лучатся его успехами как своими, «греются» словенным как обещаемым.

Английское love, любовь, по-русски читается не «лав», а «лови, лов(ы)». Эта переключка любви, славы и лавы случайна-символична: жизнь, лайф=кайф. Охота пуше неволи. Лов — охота вола волком (не здесь ли «собака зарыта» воли?). Охочая жизнь ловом ала.

«Вначале было слово» — любят говорить книжники. Неявно придавая словесам веса побольше, теша гордостью себя, ореолом славы сияющей облекая свое дело, погруженное, если им верить, в тайны духа неизреченные. Я в наивности хлеба насущного чаю, что один из корней тайны сей замечаем в силу очевидности и привычки смешать поиск смысла по ту сторону — сразу и навсегда. С-лов-о(а) с-лов-и — связь, единение с ловом, охотой «че→ча», начинением счастьем от улова. Словники-ловцы с-лова, деятели «удвоенного» лома. Для них слова телесны, они ин(внутри)-тел-лект(слов)-уалы, охочие до счастья в ловле значений вне тел, означенных в них. Для них «слова, слова, слова» полны веса-словеса. Славный словник-словесник. Язык — веси словес. Полнота и устойчивость веса слова — весть. Вес удач, случай счастья в словесах, добротность, своевременность и уместность вести определяет(ся) его «ла», чаемостью, у-лов-ленностью, направленностью и длением в миг-навек, чудностью. Звук «в» крепится напрочь в «б». Нерушимое «вла» предстает в сиянии славы как «бла». Триумф словесников, вечный итог и шествие истин их лова, оказывается в лесах звуко-чуйности «благовестием», божественным Словом. ...И Слово у Бога и Слово-Бог. (Заметим, слово=Слог.)

Для начала о слове словников достаточно. В начала (сколько же их?) лова внесловесного вернемся. Здесь ловчий ловко ловит «ла» в лаве славы, в случаях лада лихих охот и хилых пятен на солнце-сердце, полости — пустой завис(без веса)ти неудач, неслучайного.

Есть ли звукочуйные переключки сердца «ла» с исходным «че», сплетающими их в единение тугого ритма «человека», выбрасывающего устремленности «в→к» в причинение-начинение полнотой «ча»? Вспомним, помнем значения, близкие к «чаянию». «Греза». — Сейчас переключка не слышится. «Меч-та». — Мета, при-ме-ча-тель-

ность «то»йности, призыв метать во что-то достаточно определенное — та, а не другая, не иное «то». Мол-вится (против лома мол-вы нет приема), что выделенное мечтой лучше добывать мечом — с угрозой вырубить-вырвать из его спонтанности. Символика меча сочна, обременена в истории значениями, судьбоносными смыслами. «Ч» в мечте-мече звуко-чуйно поддерживает устремленность «человека», нацеленность чинится определенной случаем тойностью. Но сопряжение их ничего не добавляет, как бы прозябает зерно кликов до оглашения в одном. «Надежда» — на-дѣжа(в)да, над-еж(ели)да — подбодривает (над-дан) и укрепляет. Ежели случай — еж колкий, в «да», множит над однождностью однодневных попыток слова. Негативный случай — тоже результат, не пустополость изгнанного в узы беспамятства, а нечаянная бездна к(а)призной славы. Ее приза доби-ваются настырные, упорные, смелые ловцы, претерпевшие «ежа», до дна мечтавшие: «да на до дна!». В безумстве храбрых надежда умирает последней и возрождается первой. Ежели сейчас, ныне=но-не, не уловлено «да», то над-дай, не остывай в унынье, кати «ежа» клубком путеводным, пока через много-много раз не наступишь в чаемый час. Труднее, в ежели «на-на» окружить благосклонность ежа, колющий шарик, каприз случая с двух-всех-сторон «над» и «да», обзавестись устойчивостью исполнения заветных чаяний.

В надежде мечта упрочена. Крепится постоянно, сквозь раз-ные еж(и)ели напрягает как бы сверху, с удобного «над» нацелена как надо, в «да». Упругой тетиве лова «ча» надежда придает звон, сверхупругость: над-да-чи. NB: по-мни ежа ежели.

Все же и в грезе, и в мечте, и в надежде душенька не чается с ловом «ла» той охотой, которая пуше неволи. Звучочуйно залалится и сладится, когда на волнах памяти словим еще одно значение, близкое «чаянию». Желание. Не еж среди елей. Здесь «ж» изнутри «ла», в любом случае. Чую и чаю «ла» жгучее. Самое само, от коего не спря-таться, не деться в чаяниях. Не близкий синоним-сосед, а родствен-ник, кровный из кровных. Мы одной крови. В чаяниях человека и желаниях «ла» — перекресток, очаг единения. Лани лада — случай человека, его «жа-ча», его чижиком живой зачин и (на)чин.

Невероятное сближенье. Хотя оно проливает свет, почему именно эту пичугу неустанно пыталась молва «где был?» и удовлетворялась его искренними признаниями о том, чем он «пыжился».

«Же-лань-я» неисчислимо сокровище для постиженья сердца и тайны че-ло-веков. Произнесем известное и избитое выраженис: «В крови горит огонь желаний». Таскать не перетаскать звуко-чуй-ных смыслов из сей «пошлости» (ходит с нами всюду, неразлучна, как

ть дневная). Заплатим пошлину истины, отметив вскользь одно из именовании огня: п-ла-мя. Для продвинутых эрудитов — плаз-ма. Желаете скакнуть с ума? Сумасшедшая переключка: горла, т.е. буквально «горы «ла» — это горло». Чушь! Но горе и уму, чушью пренебрегшему. Пламя желаний, звуком трубящее горячо и гордо, разве иное, чем горло: горловина лавины «ла». Гор-н, гор-(а) на, горнее — увязываются в звучании с наполнением горла. Гулливер для лилипутов — человек гора, бездонного для их закровов горла. Отверстие, извлекающее громовые, оглашающие весь мир звуки, выдает на гора гордость своего горно-горнего «ла».

Но не будем задиаться, гордыней пыжиться. Просто констатируем, что в «же-лань-ях» возможны невозможные открытия. Для умозрения чудо-чудоковатость чудовищная. А звуко-чуйной лихости и как опыту («сын ошибок трудных»), и как гению («парадоксов друг»), и как случаю («бог-изобретатель») найдется в чашобах работа «без запятых». Угодья звуко-чуйного лова благоразумный радио обходил стороной. Еще одна целина.

«Ла», цели «на»! На цели «на» чаем «ла» ж-ж-ланий: начало человека.

Озвученно-пережитого достаточно для ума при-мечательно-мечтательного, чтобы прожечь языком пламени желаний значение чудом знатное: че-лов «ла»век. «Че» — исходное чаяние, беспокойно жгучее желание, толкающее в толчею удовлетворения ловом «ла». Как начиненное, исполненное «че» есть «на-чала», обращение жгучего «ж-ж» в ровное, тепло-светлое, умиротворенное гор(ами)ла ланий. Горные лани. И рукопись жи-ла, пока пламенела гор-на.

Пульсация, цепь клубящихся желаний — ж-ж+и=ла. Жила — вот и вся недолга. «Язычок» того, что обычно называют жизнью человека. Задаются вопросом о ее смысле. Ищут и рыщут, ловят, нагромождают слова в башни вавилонские, а ответы — не окончательные, все более относительные, саморазрушительные. Для звуко-чуйного осмысления ответ, стартовый, достаточно конкретный, при-открывается в тщательном переж-жевывании, уловлении переживаний в самих словах-вопросах: жи-в человек. «Ж-ж→и — дление, повторение, постоянство жгучего огня желаний, их трепет и тревога, их удовлетворение изъятием жала беспокойства; звуко-язычное горение пламени «ла», пленяющего ловом ис-точники горячие. «Жи-ла» ловца: наче-ла→на-до да-нь→«ла» на, лада, ладна, дала; для дланей лани на (миг-весь) век, — таков человек.

Че-лов-век чалит, целя целится в целасть (на)ча-ло-вече. Чает причалить в чалость (отзывается «челюсть») веча. Чести чисто-частое число, счастьем начин начала — так веча встречала ловцов чалых. Да не оскудеют дали, длани полнящие ланями жи!

Ж-жет очень огонь желаний, жалит, сердце сжимает, душит без «ла» горячего языка жи, жалобится языком горла полого, зовет жаловать, жа-ловить: жалом ловить «ла» и жало источить, притупить, съж-жевать для успокоения в ладе, в тепло-ярком, светло-кровном, общеравно славном вече, «жи» пламени-племени. «Жи(в)ла», язык пламен и встреча-вечных — это жи случайная, к(а)призная, пригожая, знатная. Жи лихого, славного удальца ловца. Жи-начал веча, вечна чаемая, счастливая.

«Жи-знь» сложнее «жи», в ней и знание знатно, чаемо, в ее началах слово от-дельно, тельно-дельно рядом со словами охотничьего слова, оборачивающего жи лани в тишь туши. Жизнь жрецовна, знатна жрецами.

В началах лова слово неслиянно и нераздельно в звуко-чуйном переплетении «жи».

Жаловец-ловец либо жалованный удачей в чаще случаев, либо неудачник частый. Последний нуждается в жалости, жаловщик. Он жгут желаний одолеть не сумел, жало, сердце славившее, сжавшее, изъять своей дланью ему не-в-мочь. Исцеление его из-раненного «гор-ла» в раде (помощи) других ловцов «лани». Его чаяние надежно в надежде на лад удачников и общий склад «о-дежд» чаяний, об-чинные закрома ради-на (взаимопомощи продуктивного поддержания «жи»). Жаловщик, неисправимый в неудачах — случай жалобщика. (Звуко-чуйно: внутреннее «в» закрепилось твердо в данной конкретности, окончательно и бесповоротно, неотъемлемо без разрушения «жи»). В нем ловек сник, прохудился в нишете, в тшету изошел из успешного лова, нет случая, нет встречи — его длани пусты, полы для веча. Ссей-час не уловил се-год(ное) на. Жалобщик из-вечный у-вечник, начинающийся радью (помощью) общего чина ловцов.

За-то жаловец, очень везучий, кому случай за случаем лучится удачей, валом волит (в-о-ля, ву-а-ля!) судьба — не лов, а лава «ла», частый (сверх)удачник обильного «на», из дальней чащи с переполненными дланями на вече вернувшийся, — ба-лов-на, баловень.

Случай «ба» как неизбывная чаянно-нечаянно удача, «счас», «сегодня» в полноте словленная являет собой тип очень важный, вершинный, совершинно величавый в звуко-чуйном лабиринте значений. «Ба!» — какая встреча. Какие люди! Неожиданное исполненное благоприятие, сиятельный каприз сюрприза, радость для ушей, сверхмаковки смак. «Ба» в конце слов подчеркивает напряг и динамику, рвшую(ся) в торжество мига-на-века, в восклицательность совершенства: борьба, судьба, свадьба. Удвоенное «ба» переоценить вряд ли возможно: Али-Баба, Баба-Яга. Очень непроста просто «баба».

Конечно, у каждого свои «ба» и «бал-лы». У мальчишей, мечтающих о геройстве. Ки-ба-ль-чиш. У экономистов — баланс. У реформаторов — Чубайс. У фольклористов — Баян. У всех язычников — баня. «Бабки», бывшие на Руси игрой(гаданием?) в кости, т.е. нетленное, ноне вульгарные бумажки. Баять о сближеньях «ба», гордящихся чинами баллов на балу «жи» можно вечно. Но где же наш баловень? Не все его косточки, бабки перемыты бабками в басни, сказы баянные.

Баловень самый что ни на есть цело-век. Век его цел-полон до краев и через край, это уже не в→к, а на-лич-ная цело(е)-чаша. Чаша наша цело-вальная, неубываемо полная жила жи. Для уст ее чаще-ба густа, имать не переимать. Ловец баловня — тучный, жир-най, жаркий. Его це-на це-ла, бесценна. Мечта часто яв-на в «жи» лихого ловца-удальца, цель наполняет густой полнотой «ча-ла» пустую полость, т.е. начала здесь не отрицательно критичны, налична чаша неущербная, порченная, исхудалая, хилая. Поэтому хотя жи-ла то полна, то пола, то густа, то пуста, течет не от абстрактного к конкретному, а от конкретного к конкретному. Ловчий цели целит-стрелит стрелой из половины к целому, влечение-излечение полых пустот из по-лов-ин в густую чашу, наполненность счастьем целого. Из испорченной ущербной частично сейчасности к добротной, вязью-связью перевитой причастности в исцеляющей (врачующей) се-год-няшности всех и каждого. К-(а)жду, чаю-ишу, (с) жжигаем желанием, томлюсь повинностью к ладу, к об-разу лику из ладушек подобных же «жи» половин. Такова участь участника СЛУЧайной судьбы человека: пить и полнить чашу целого счастья. Сей час се-год-на. Будь общей чаше чаще, густо-балованно причастным, целковенький ты мой!

«Ча-ла» как «чело» — исходный пункт конкретного ловчего «чего». На челе все писано, вернее, им озвучено. Или абстрактно: налично. Когда же достигнут конец в начинке «ла», целость — венец удалого стрельца, то чело лучится лицом ловца удачника, баловня полно-целого. Его судьба лучится вязью счастливых венцов. «Ца-ца-ца! — царит. В сияющем восторге «ца» вряд ли уступает «ба», они ладят в нарядных рядах «ла». «С-ба-ца-ли!» — так народ от-метил быстрое, смелое, ловкое, удачно-ударное, на раз завершение дела призного. Очень точно в звуко-чуйном переживании.

Позитив срашенности «ча» и «ла», его крепление в повторении, (у)лучшении и раздвижении («более» через боль и боязнь) — образуют веч-ная начала человека. Они включают в ток (само)причинения своего пульсирующего, вибрирующего-и-волнующегося поддержания («радимости») и концы-венцы, — пустоты, — обрывы (смерти), полосы пустоты (зияния), но не знают в посеянном часе абсолютно-

го конца, того, чтобы всех разом ловцов, их лиц не было вовсе в «жи». Вне конкретной совокупности живых ловцов «ла» никакого «человека вообще», кроме «мысли вообще» как одного из «ла» все тех же лиц, нет. Вообще «вообще» как живого вне живых людей нет.

Цель, исполненная целость жи в ла = ла в жи, — обычное дело. Если пусто в «жи-вот-е», выходи из пустоты «в от» в да-ль чаш, густот «ла». Цель как жалиющее чаяние сосредоточена (в)на челе. Она — «вин-на», в ином на, призыв обратиться за пределы опустевшей, остывающей «жи». Активность цели — вины есть начало венчанья венцом терновым, жалами колючего ежа (еж ожил в «ла», ели нас ели в ежи). Жила — изначально, непрерывно и неостановимо изменчива, истекаема, излучена; она есть процесс наполнения полостей огненных «че» сокровищами «ча», поддержанием в противоходе спонтанным изменением траты «ла» языков-желаний горящего пламени. Вибрации-волнения тока «жи» далеко не всегда прямо-по-точны, чаще против-точность вихрит, завивает и развивает ее. Жи-ла самовита, «вальсирует» очень не точно, два притопа-три прихлопа, все и каждый кто во что го-ра-зд(ы). «С отрадой, многим незнакомой» Михаил Юрьевич приветил как чаяние родное Родины русскую «пляску с топаньем и свистом/Под говор пьяных мужичков».

Не то, чтоб антипрогрессист, но прямые, тем более ускоренные в крутизну восхождения почти вертикальную, мало отличимую от взлета ракеты, для изначальной живости людей редки и, как опыт XX века подсказывает, вредны в больших дозах, в длительном применении. Напряг сверхударности сменяется оцепенением, застоєм-завалом и обвалом с крутизны кратчайшего курса на вершины (больше иллюзорные, вскормленные идеей фикс). Прямызна логий и идеологий не менее тупикова для истории образа человеческого, чем спонтанность истечения «из» без противохода «за». Кружение вихрей, «вальсирование» обоих в само-витости развивания и свивания (а то и свисания) — естественное знамя. В этом поддержании пламени «че-го»-то годного для «ча», на(чинки)чела «ла», воля начальная возникает из «вина», из исполнения «в от» полости. Свой обод «да», или свобода воли задана пределами пустоты и густоты желаний жи-ла. Свобода как полная независимость от обода своих — пустых и полных — желаний есть не просто анти-свобода изначальная, но поту-от-сторонняя всему. Свобода не из вины и без вины перед жи с ее смертью есть живоющая Абстракция бессмертной смерти. «Извини», — как бы говорит вторая первой, мы исторгаемся в потусторонности друг другу, мы вечная тайна взаимной запредельности, полного перерождения в муках самого опасного — про-пастного — перехода. Архе одного в лучшем случае забыты напрочь в архивах совершенно иного.

Сейчас я не готов к сальто мортале между свободами, моргаю, топочу в ободу желаний «жи». Жевание желаний длю. «Начала» жи — полнота многих ловцов. Косматость, неплолазную чашобность, ущербность и неистовость жгучую жал надо сладить в космос, упорядочить в нарядные ряды парада, исцелить полную чашу жи, «общ-чага» густотой всем хватаемого раза ла. Языки пламени, волны знамени, семя-плодность пламени самовиты в жаре-раже, горении единящих различий и различающихся в слитии, пределяющих запредельно кровью-покровом желаний счастье сегодня. Это — лъзя, по-лъзя. Нельзя: неполнота полная всех разом сморгнувшей смерти. Должна быть исключена долгая худость и хилость, стынушая опустелость общественной чаши — такой долг каждого миг-века, обратить искру жара в раж лова и ча-с славы. Радить (компенсировать, сбалансировать) неудачу одних успешной дачей других. Ловца, не имавшего ноне лани вытащить из унынья в на-стоящее, исправить сохранность в челе его начал огня, боль усталости от неудач исцелить дарами тепла из дланей и уст друзей, т.е. других за я и для его неушемленности в общей чести долг исполнившими. Надо бы чтобы неудачник в миге неуда не потерял образа лица, не растерзался бы на дыбе полых дланей, чтобы начала ладно длились в лъзя.

«На-до» как «до на» позитивно, «над дача» внутренне-внешняя начал ловцов к иманию пользы в чаше, за пределами здесь горящего пламени. Горящие горюнятся, горе мыкают ради «купления» себе иных на-гора «Надо» спонтанно-желанно для ловцов, чающих «ла» гор-ланно.

Для абстрактного рацио долг, необходимость внешняя, суха, отрицательна. Нельзя, без коего, увы, нельзя — более всего в подвалах безусловной суверенности чистого «я» — обойтись. Уверения в абсолютной с-уверенности, напомним, не более, чем уверения рацио о самом себе. Он отвлечен от чувств, якобы не полномочных во всеобщности, в кося он и исключительно он суверенен без исключений, универсально и абсолютно. Эти его заверения и есть чаяние рацио заветное. Чайание дерзкое, безудержное в от-чаливании отчаянном от берега жи-ла. Но вряд ли исполнимая по им же избранным канонам. Как мысль-логос от-чаяния, это все же мысль живых, мышца чающих, в данном случае алчущих абсолют (и безоговорочную повинность ему). Жаль ее: ради точности и однозначности всего измеренного абсолютом раз и навсегда, в которой разворачивается суверенность, самостоятельность независимости рацио, он обречен в застылость одиновости (не одиночества), вечно замкнут в себе и для себя, с другими негативно отстранен от них. Бедняге тесно в пустоте,

как Кай, он слагает — безуспешно — слово вечность из ледяных осколков. Но «вече-на» и даже «тож(е)даство», столь чтимое холодной чистотой с уверенного в вакууме рацио, живут в жилах пламенного «ла», в треволнениях исполняемых желаний.

Я не ничтожу в ничто рацио, логос, не гоню его прочь из начал человек, а ищу ему место по чести, достойное в парадном шествии и триумфах «жи». Пока явны возможности раз-ных лиц среди ловцов. У одних чело: ухо-горло-нос, у других: печень и «конечности», у иных: глаза и лоб... Для последних голова настолько важнее тела, что они живут лишь ей и ходят на голове. Лобастикам-головастикам трудно и стыдно (чуть ли не преступно) признаться в связи с телом. «Я» очень тонкошейно. А уж в общении с «ты», «мы» и «они» оно мучится страшнее, чем любое светопреставление. Таковым, впрочем, тело и другие — глухие «я» и должны быть для чающего Абсолют, разумеется, прежде всего и почти исключительно в себе, «Я». Логика тем удачнее зубы заговаривает, что после принятия предпосылок и способов выведения, переходит быстро и незаметно («миг-навек») в автоматический режим, принимает головокружение от чаемых успехов за мерную поступь у-прямой-дедукции, крепко ухватившую всеобщность и замыкающую — вот-вот — Универсальность. Среди блаженно верующих и Логосу тепло в среде абстракций хладно-светлых.

А судьи кто? Сама звукочуйность разве не без греха? — резонно возражает рацио-логос. — Последуем предложенной тропой. «Ла+жа» вряд ли желанна. А уж «здесь ла» — вовсе из ряда вон: ложь, зло. Также лень, лежа. Боль-на. «Б» с другим слогом язык не поворачивается помянуть. Правда, «ба» сохраняет восклицательное усилие, но лучше бы не было того, что вершинится: зло-ба. В общем, никакого закона объективного, никакой всеобщей необходимости в звуко-чуйных переживаниях нет. Не то «жа-ба», не то «жа-бо» и, дай бог, одно, переплетенное и не различаемое с другим, но не «боже». Одним словом, боже мочки, какая дурацкая звуко-чуйность! Чушь, чума, божьба! Чу-чело!

Возражения чистого рацио достойны почитания. Не подтверждают ли они того, что моноуниверсальных определений-переживаний в звуко-чуйности нет, что в различных контекстах направленность и смысл целенаполнения их меняется, роль в обеспечении воспроизводства «жи» разнится до противоположности. Двойственностью, амбивалентностью пропитаны все приметы и прорицания оракулов (их неопределенность вызывает к активному включению в исполнение судьбы в благоприятном — венчальном — варианте). Далее, видно, самое само рацио состоит в фиксации чистой тверди моно-опре-

делений, строго, точно и однозначно отличных от подобных же моноопределений, а мир звуко-чуйности колышется вне этих границ, в отражениях тождеств в различие и наоборот. Там жаба может обернуться божеством, лягушка — царевной. Наконец, и в логической системе понятий истинность каждого из них определяется их местом и ролью в развертывании и поддержании ее целостностью, тем более это имеет место в волнах звуко-чуйности. Море ее не ограничено чередой нас обрызгавших слогов. Пора одарить нас новой струей. Какой? Народом любимой — дурачкой.

У РА: радость, или дары чародея

Самовитость звуко-чуйных переживаний не исключает на-прочь последовательности, очередности. Шлейф и отсветы-клики предыдущего мерцают и аранжируют самобытный танец-песнь, отпечатываются в ритмике дыхания последующего. Но и в общем узоре хорова, тем более в пляске кто во что (и как) горазд, каждая самовитость квантова. Завязью и прорастанием после прозябания семени в немоте-немощи, пуше-гуще цветением и плодоношением она призвана к себе случаями, случившимися в «жи» и примеченными ею как несение судьбы. В данном сезоне (сей зона) можно и частично нужно забыть то, о чем мечталось ранее, отойти от ранимости слынувшей зари, стереть прежние волнения в глади равнодушия к ним и «высоком штиле» к новизне подспудных струй иных чаяний. Но можно из барахты прежнего бухнуться в неопределенный омут неведомого. Чаше треволнения течения-бурления захватывают обе возможности, которые утекают сквозь пальцы неизвестно почему («вопреки логике») и куда, оставляя кисть в слезах, мокрой.

Не зная, что и как получится вообще и вообще получится ли, просто продолжим предшествующие пикировки. Разовьем парчу самовитости «ра» вокруг «печки» дурака. Обычные, повседневные дела быта его не впечатляют, он к ним ленив, хил и несноровист. В нем прозябает неясное-необычайное. Не от-мирность дурака не полна, лишь не-бытовита. Напротив, «механизм» запуска его в дело чудесное сугубо традиционен — воля-просьба отца, и исполняет ее дурак, в отличие от старшего (умный, мир считал, детина) и среднего (так и сяк) братьев усердно и истово. Дурак из быта от-бывает, вы-падает задом наперед и навек, без возврата прежним. Дальше приключения лихого молодца подталкивают зависть, корысть, злоба и прочая «жабы» «обиженных» по их собственной самооценке доброжелателей ухоженных традиций, где дураку место если и есть, то напослед-

нее, Христа ради. Герой же в простодушии, нередко голову повесив, сплетает венок чудесной судьбы: его перерождение в котле омоложения в царевича и свадьба-женитьба на дивной красе-девице, царевне Лебеди, на которой пирует весь мир, завершает историю началом самовитости семьи, в совете и любви ее длится, струится и поет на-родная «жи». Таковы цветочки — без экзотических ягодок блужданий, возмужания, помощи доброты и умудрения народного любимца. Здесь не весь букет, скорее наспех схваченная охапка полевых растений, но душистый аромат сказки уловим для чутья чела ухо-горла-носа. И если в «жи» от дурашливой судьбы не уйти, то уж у-тóпи-ться, мечтать лучше о полной дурацкой доле. А лучше печи топоса не ищи — не сыщешь («Щ-ш» сплошь).

Любая «стратегия» сопряжения, перевивания, переливания цветов чаяния, крендельность их печения не возбраняется. Напротив, инициируется: и ты цвети! — такова судьба.

С какими же слогами-«молекулами» звуко-чуйности сопрягается «ра»? В русском языке с самыми различными, до разности несовместимой разными. Удобнее всего начать химичить с уже озвученно-известными нам.

«Ча+ра». «Жи» «ла» исполнена чар. «Ра», влитое в бьющееся сердце значений ловца, превращает чело-вещев в чаровниц и чародеев. Шорох «ра» хорош в «ча»! Эхо, хоров «хо-ро-хо» сливается шевеление шороха «хорошо!»

Ра-чи-тельный. Если «рача»≈»радша», мы оказываемся в том месте, где из немоты (из немцев) выплескивается исток рода Пушкиных на Руси, пращур Радша, пришедший на службу Александру Невскому.

С «ла» получаем дары, Раду, радость, ради, раление — позитивную помощь; ради чего. Близко-родственно: род, рот и эрот. Пополним, до-ба-вим еще «на»: на-род(ы). На-ра. Рано. Нарвы ратная рана. «Брань» в обоих смыслах. И далее листок донесется до Черного моря, где райские птицы поют молодой и стройной чинаре о славе морской царь-девицы.

Не лишне исповедаться в избранной теме: первое эмпирическое обобщение в звуко-чуйном желании смачно прожевывать слова переживаньями случилось более или менее осмысленно именно с «р» и «ра». Буква «р», в произношении очень русская, занимает почетное — в середине — место в русском алфавите с начальных, старославянских времен. Она связана с главнейшими словами, включая стартовую позицию в имени собственном страны: Русь, Россия. Кроме перечисленных можно навскидку назвать ключевые слова из самых разных об-ра-зов «жи» человек. Трава-мурава, растение, край, страна,

раса, радуга, корабль, карась, баран, град, храм, работа, раб, рало, игра, культура, рай... Здоровье, добро, красота, правда, право... Драгие брат и сестра. Страсть, храбрость, страх, смрад, срам, шкура. Гранд испанский и грант исследовательский. Буран, ураган. А какие лица: Уран, Гера... Гераклит, Сократ... Карамзин... Раневская, Чухрай... Из художественных образов одного семейства Карамазовых хватит. Египетский Ра и кавказское «ара». У Ра просто «ура!». Каравай, каравай! Кого хочешь выбирай!

Словеса богаты рудой «ра», какому «радио» отдать предпочтение? Какое «ра» будет активно лучиться в случаях, связанных «ла», с началами чела? Пред всеми «ра» признаюсь, что пишу не для того, чтобы книга цитировалась, завоевывала рейтинг и авторитет среди профессиональных публикаций. Не для того, чтобы соседи по гуманитарному цеху, например фило-логи, языко-веды-еды тешились, улавливая в ней косяки ошибок, — обвинения в некомпетентности формально-законной сих баек не страшусь. С указанными обстоятельствами исследовательской работы и общения считаюсь, но об ином мечтаю и радею усердно. Мнится мне, о чем-то таком же чаял Фейерба-х, освобождая чувственность из уз диалектико-спекулятивных абстракций (а в конкретности своей они не чета абстракциям рассудочным, не выходящим за исчисление линий и поверхностей плоскостей) гегелевской логики. Своими писаниями середины XIX века он хотел создавать не книги, а непосредственно человека, его живое сознание, воспитывать в диалоге автора и читателя. Ради этой философии будущего Фейербах шел на низвержение всех кумиров, в том числе и своей любимой классической философии. Раскрыв ее неразрывную связь с религией, богословием, логикой Абсолюта, он провозгласил смерть философии и бога во имя освобождения человека в его природно-родовом, конкретно-живом бытии и истинном (не только логическом, но и вне(=анти)логическом, всечувственном) сознании. Что получилось, что не сбылось и почему, а также каковы причины того, что радикальный проект «огненного потока» обходят стороной, стыдливо и вскользь упоминают, чтобы тут же замусолить его значение фигурами, скажем мягко, иными — все это вопросы специфичные, подозрительно болезненные, как указывал Маркс, для философов-профессионалов. Я откликаюсь на зов Фейербаха, поддерживаю его лозунг: живой человек стоит смерти классической философии и веры в абсолют — логизированный или олицетворенный. Логос должен быть основан на «пяти»-чувствовании и в союзе с ними, где его самостоятельность и самодостаточность продуктивны для человеческой конкретности в мире, а не для его горды-

ни в изоляции самодовлеющего любования, злтеняющего своего сияние презрением и попранием всего внерационального. Гораздый в рацию, друг Горацио, на свете много есть такого, о чем не подозревают рафинированные любители мудрости. Правее льва («левого») быть невозможно, принц дат-ский.

Как ни влечет бродить-блуждать по замку на краю земли иссушенной и горькой влаги моря, вернемся к «ра». Итак, меня остановило в раз первый обобщение случайное слов с «ра», дарящих радость. Чем дальше в рошу «ра» я углублялся (или растил в себе под градом возражений, претерпевая раны?), тем больше поражения не отличались от по-бед и, шрамами гордясь, зараза заражала осмысленьем их переживанья, все более — чрез боль — другие буквы, слоги и слова перекликались в звуко-чуйном гаме леса и магией неодолимой уводили в странную страну. «Гам» оборотно «маг»... и очарованный одним в ином как общим разом — «об-раз»-(ом) таким могуч ты. Тайно иль рефлексивно явно в→о→«ля» ты волхв, коль гама хлам обрящешь гаммой образа доступного, простого, «жи-ла» магнит обогатишь могучей магией с-лова. Не воля тут, довольное волхва довольства (рефлексии и однозначности логичной, дедукции железной соответствий, как правило, грош ломаный цена. Они, невидимое зрящие, не видят очевидного: миф не мифо-логия, анализ первого не совпадает с логимифией, коей логос без забвения своего Суверенитета не может занимать). В странствиях очарования, в истоках магии словесного улова мне легче, интересней, созидательно богаче становилось жить. Семь шкур меняя (хотел бы, как Гегель, столько же раз переписавший по его признанию «Науку логики», переписать ее 77 раз), преображаюсь я благодаря пробуждению чутья на чувственное тело смыслов слов обычных.

Расплата тут как тут: думать и писать о другом и иначе доставалось, ой как трудненько. Слышать же интеллектуальную говорильню, автоматически штампованных эрзац-«логий», фанатов-фантиков вне жизнечувственных идей и грузно, и смешно. Порой дотошность чаяния с-«мы»-с-«ла» грызла до тошноты отчаяния. Простите, щеки не подставляю, огрызаюсь. Идеино-иди-от(ный) от «жи» рацию не чаёт (таковы условия возможности его абстрактно-рефлексивного бытия, которое он отождествляет со своим суверенитетом) какого он роду-племени, что сеет, что, когда и сколько обильно взрастет в инобытии его святой потусторонности. Его самообольщение то-же-ством не ведаст ни сомнений, ни границ жжения, чистого «то» вообще и в частности в его воплощении, определении себя как сущности (природы) человека. Запросто: homo sapiens sapiens. Осталось дважды героя разумности увековечить на Родине, было бы кому Там поклоняться.

Упражняться в звуко-чуйном слове слов не безопасно, приходится постоянно сходить в своей сущности с Ума, подталкивая себя вопреки самым авторитетным традициям под огнем критики научных профессионалов в области «...логий», что ты медленно, бочком и ползком выводишь ум из зауми «вообще» к конкретности живой сущности человека. Во-вторых, книга желанных чувств не может быть написана кем-то за кого-то. Не в том смысле, что я бы не хотел улучшить написанное мной, напротив, придавая максимальную весомость каждому слогу и букве, искать оптимум минимума верных слов и простора импровизаций для чувств и мыслей, воображения читателей должно на пределе созидательных возможностей автора. Написанное мне страшно перечесть, уповаю на доброжелательность адресатов, которая, разумеется, не отменяет критики, спорных споров, в коих истина рождается, а не испаряется, или из-споряется. Чайнную мной книгу нельзя закончить никогда, хотя надо «писать» каждому и совершенствовать всем всегда, ибо она не приемлет внешней авторитетности и авторитарности, одаряющей рябчиками и ананасами своих послухов. Ее мотор, мышца смысла в том, чтобы каждый стал соавтором русского языка, не заглатывал бесчувственно законсервированные в понятия и теории «фирмы» завтраки туриста, а был рачительным и гостеприимным хозяином в доме русского языка. Свое писание я рассматриваю как зов к совместному созданию самоучителя (скромнее, как указатель на возможность и необходимость для богатой «жи», знатной жизни) самовоспитания чувств, мыслей, воображения человека на базе «смачного» питания частоупотребляемых в живой речи слов русского языка. Задача благородна, база неисчерпаема, средства — наипростейшие, исполнение и результат зависят от желаний каждого пропитаться языком русским.

Если искра начнет разгораться в пламя общения, вероятно, можно будет с помощью компьютерных программ сводить все больший массив информации по цветникам, клумбам, аллеям, рошам и т.д., отвечающий самым прихотливым вкусам. Но возможность быстрее бегать по ним глазами с целью формально-логического запоминания, блеска эрудиции всюду пригодных стереотипов, клишированная крутость таит в себе вирус смертельный, безумство зауми для звуко-чуйной самодеятельности. В ней не только меньше-лучше, но и свое, от чаяния до пота и крови, до горечи неудач, дороже самого гениального вовне. Желание Ахилла быть последним среди живых, а не первым среди мертвых задает в данном случае дыхание делу.

А гений жив не авторитетностью, тем более авторитарно насаждаемой. В последней гробнице нет даже его мумии. Гений — доверчив, простодушен, влюбчив, щедр в одаривании истины, добра и кра-

соты. Вне пробуждения сего в нас, он чахнет, костнеет, многопудово бронзеет. Не он к нам не идет навстречу, он-то как раз спешит, есть весь исполненный полет животворения, а мы всячески отгораживаемся от него, возводим из своей суетности китайские стены его недосягаемого авторитета, тайны неизреченной. Как станешь чуть-чуть простодушным, влюбчивым, он явится на чаепитие. Чем проще, доверчивее с ним калякаешь за жизнь, чем внимательнее вслушиваешься в его слова славные и проникаешься, что рассказанный им случай и для тебя примечателен, тем теснее, чаще задушевней и счастливей с ним сходишься. И всегда хочется, чтобы он был твоим более, чем ты сам ны-не есть, чтобы не уходил, ибо не докалякали о том, о чем сколько раз уж беседовали... А сколько еще чаяний разлитых...

Не гоните гения. Да его ошибка в совершенстве его творений, прозрачность и оптимальность, в коей ни убавить, ни прибавить, ни заменить одну песчинку на другую никому не по силам, скрадывают треволнения и глубины жизни, «засвечивают» до неосязаемости случайности (в смысле рассудочных канонов-законов) случаев. Но триумфа гения просто нет вне общения, вне цветения простых трав и цветов на полях человечности. Не гоните гения, не гонимы вне и без него будете. Все гениальное просто живостью своей и бьется с Вами и в Вас за жизнь. Кто бросит камень в решившего родиться в Слове?

Нас тыши и длится — с тещей! — чаепитие в Мытищах. Каждый в меру чая вместимости растущей, умения звуко-чуйного прикусывания сахара слов, пробуждающих и напрягающих челюсти-чувств, может затейничать сей игрой, сообщая с друзьями или сам-друг, сколько угодно долго, объемно, прибыльно. Дальше, выше, шире, глубже, смелей! Поле чудес русского языка цветет Вашими очарованиями. Смените фанатство фантиков, скрывающих пустоту, идею-фикс, на смакование словленных слов животворения. (Какое же «Поле чудес» без рекламной паузы!? Пауза рекламы ноне горняя вершина любой передачи на ТВ.)

В звуко-чуйности примечательна, лично для меня, одна особенность. Темп и ритм в череде переключек слов устной и письменной игры воображения различен и довольно значимо влияет на оживление и лучение обретаемых чувств и мыслей. Общая направленность, определенные цели и манящие перспективы писаний, вкус ягодок и аромат «слов» мне доступны устно, начинают являться до записывания. Но в самом исполнении и слова и автор становятся иными, писание активно и самостийно в «механике» фиксации намеренно неизменяемых значений на чистом листе бумаги. Его не надо упрашивать стать третьим. Единство трех лиц порождает новые, порой

совершенно неожиданные для замысла образования, не просто невидимые, но нечаянные всеми чувствами до активности исполнения и ее первых напряжений и результатов. Это тем более удивительно, что в устоявшейся в себе конкретности переживаний, в образе это ненамеренное и нереклексивное играет неотъемлемую, незаменимую, а то и решающую роль как будто именно ради победы сего героя и затевалось дело. В далях свободного плавания постоянно даешься диву таинствам очевидного, глубинам живой образности, застывшей в плоскостях рассудочного привыкания, равнодушно скользящего «над» ними (глубинами) якобы «ввысь».

В этом смысле не могу не писать. Пишу для себя и себя. Знаю, что никогда не напишу образцово. В несовершенстве записанного магический смысл продления образования звуко-чуйных случаев, их стечений в гирлянды венков, драгоценных венцов при удачном слове и бесследных на бумаге, но не в опыте чуткости, невстреч с «ла», промахов и ошибок ловца. Двухому без перьев вдруг пораженному заразой звуко-чуйности словесных переживаний пора браться за перо, чтобы взвесить «жи-ла» на весах писания. Побился в сетях значений, расставленных другими, пригубил устами устно словленное до тебя, потолкался с толком в общей толчее дивной дичи, пора и опериться, поискать свой путь среди (у)топей и хлябей писанного слова. Небось, какая-то жаба поймает твою оперенную стрелу. Авось до свадьбы заживет. Последних слов не жалко, чтобы отправить Плюшкиных русского языка топтать к трем топо-ля-м на Плющихе.

Я сейчас, сегодня чаю оперить «ра». Ему рад, дверь распахиваю, искренне встречаю, «да» излучаю. И «ра» в ответ приветится, мне дарится. Рад-дар.

Тут еще одна методологическая пауза, «да» простит меня вместе с «ра», пусть радостно целуются пока. Внимательный читатель наверняка давно приметил «механизм» динамики звуко-чуйных стечений: слово читается вперед и назад, слева направо, в чтимом логосом линейно-необратимом развертывании значения, и справа налево, строго запретном в свете радио оборотничестве всего во все. Случаи звуко-чуйных переживаний, словленные словом, законсервированные в «чертах и резах» в вековечную неизменность и целость, тем не менее источают лучение в затворе-растворе своих слогов и букв, в переакцентировке озвучивания (волнении-смене ударений и интонаций⁵) на все-четыре-стороны. Сие соответствует времени рождения письменного слова, вылавливание его золотых рыбок из ветренной стихии устной речи. И многозначность писаного слова вовсе не была чешуей значений, но скорее именно она была главным. Новый толос мен-

тальности минимальными средствами все более простой и абстрактной графии должен был зафиксировать и сохранять от порчи концентрированный опыт «жи» человек. Энциклопедическую концентрированность, максимальный удельный вес слова, возводимого из туманных зыбей чисто устного существования на берег прочный, твердь обетованную письма, подтверждает то, что с момента рождения и до Нового времени образная конкретика букв включала в себя и числовую, математическую составляющую значений. Не безразличен был и вид, облик написания букв. Эти и другие моменты универсальности алфавита и азбуки (между ними треволения веков, если не тысячелетий) мы не учитываем, следовательно, бессознательно припиливаем лучик нашего сознания на ходули радио, появившегося всего лишь несколько десятков веков назад. Пока мы передвигаем значения и смыслы слов на широко шагающих в бесконечность, очень скорых, но худых до плоскости и точки, ходулях радио в пространстве и времени западноевропейского мира, то абстрактное бытие букв, слогов, слов и т.д. нам не мешает, помогает эффективно решать задачи воспроизводства «жи» и воспринимается в качестве «естественной» черты и рези человека, его изначальной сущности. Но уже на границах европоцентризма оставленная им в приюте призрения звуко-чуйная жи-ла готова явиться на сцену как бог из машины, как Афина из головы Зевса. Чтобы отделаться от связывающей его свободу пуповины звуко-чуйности, радио мечтает об искусственном языке. Здесь его топия превращается в утопию в силу того наипростейшего факта, что существует радио у и среди «жи» человек. Это одно из них — самых чистых и возвышенных — чаяний; сколь оно ни более-всего-всё не более того.

Использование естественного языка (вне высокоспециализированной профессиональной деятельности), а также желание прейти пределы мира абстракций и конструкций в мир живой заставляют считаться с «радийным» излучением слова. Не презрительно пренебрегать топос и утопию звуко-чуйных стихий «жи» в словах повседневности, а уважительно считаться с ее существованием. Для желающих породить своим авторством цепную реакцию звуко-чуйного жевания слов в процессе животворения каждым своего «я». Оптимум двух топий-утопий — сверхзадача. Пока, пытаясь окунуться в стихию звуко-чуйности, я остаюсь абстрагированным от числовой, каллиграфической и т.д. значимости словесно-буквенных образов. Чуть шагнул в набегающие волны, осваиваюсь в их набегах и откатах, учусь переворачивать самовитость слов, постигаю азы их игры со своими значениями вне рефлексии по законам неиз-

менного тождества. Лыщу себя тем, что где-то тут же, в нежной пене манящих ускользанием набегов вечно рождается Афродита, шепчется тайна: эй, роди и ты.

Что же дарит радость Ра? Жи как ж-ж-ест «на», позитив растворенных дланей друг к другу, их ск-лад-ный на-ряд-но об-раз (общее единение в Ра). Когда все ряды и все «места» в каждом наряжены радостью Образа, заряжены динамикой движения соразмерной уподобленности друг другу и целому — все во всем как Одном-единственным, тогда «жи» парадна, восторг «ла» велик, величав.

Обращаем слоги: «ра» в «на» — равно, равенство. В игре слогов излучается архаическая древность человеческого нрава: нрав ловцов «ла» норовит к равенству «ра» в образе «жи». Со-в-местность «жи-ра-ла» радостна в равенстве, норовящим обрести ровность. Радость равенства ощутима переживается в равенстве радости, волнуемой в сравнениях друг с другом по подобию в Образе. Как бы ни ранило, ни раз-рывало не-равенство горло, в нас жив нрав равенства. Сама несравнимость, индивидуальность возникает только из сравнения и бытует только в ней: чем ближе и чаще сравниваемые между собой, тем ярче и богаче выступает несравненность каждой конкретности; неповторимость индивидуальностей сливается в одну серую безликую массу для отчуждающегося в изоляции «сравнения»: что и как сравнивать такому «Я» все равно, поскольку априорно он исходит из своей уникальности, однойединственной во всем что ни на есть.

В отличие от ровности, совершенного подобия Тождества (геометрически — шар, сказочно — колобок) равенство «жи» не исключает ранговости, полнения полости согласно воз-ра-сту того или иного случая, его в-местности в образ и роли начинения «че» в «ча». Ранговость налична и на параде, но она соответствует спонтанности «жи», течению в ней «ла», а не увековечивается в иерархической сакральности. Праздник сменяется полновесно буднями и опустошается в праздности. Равнодушие логоса, конструирующего исчислимые формально и информационно равенства тождеств на входе и выходе «черных ящиков», несоизмеримо, сверхпротивоположно с душистым равенством звуко-чуйности. Радостному равенству нужны для букета неповторимой «жи» души разные и равные в Образе «ла».

Интеллектуально крайне сложная проблема равенства (трудно исчисляемая математически, вряд ли формализуемая без существенных противоречий в параде параграфов и статей образцовой Конституции) вскрывает в волнах-зарядах звуко-чуйности свои допотопные корни. До сих пор в дарах равенства радостно могут уживаться и ее тенденция к ровности, и ее трепетное благоговение перед иерархи-

ческой сакральностью. Вряд ли стоит искоренять ранговость конкретных случаев возраста в Образах «жи-ла». Формализм против воли своих принципов учитывает эти отклонения и исключения из логики закона. Справедливость строга, для многих жестока. Как реакция слишком человеческого на невыносимую суровость справедливого закона возникает либо утопия его поправки силой, воля к власти сверхчеловека, либо молитва о милости, вера в потустороннего любящего Судию. Тупиковость данной альтернативы подталкивает к более внимательному изучению архаического опыта, где общности складывались в соответствии с вращением в лики человеческих образов. Великие были введением к разным ликам, в коих не подавлялась ни природная спонтанность социальностью, ни, наоборот, природный нрав, темперамент не довлел искажающе над (не)исполнением социальных ролей. Разумеется, что поиск современного оптимизма, складывающихся ладные и самовитые лики Образа человеческого, сущностью отличается от архаического. Но оставлять проблему образования лика в соответствии с возможностями возраста «жи» все более непродуктивно, аморально и просто опасно. Формальное получение аттестата гражданской зрелости по достижению определенного хронологически возраста представляется менее удачным решением проблемы, чем инициации в древних обществах. Второе, социально полноправное рождение индивида в сложном и динамически изменяющемся обществе вряд ли можно свести к одноразовому и одномоментному акту вручения соответствующего документа на хронологическом основании. В любом случае разделение общества на общности, связанные с рангами взросления в наличный строй жизнеобеспечения, должно занять более важное место, чем ныне. Оптимум биотических и социальных параметров для каждого возраста, нацеливающий на максимальное продление «жи», активной в желаниях, в сопричастности к причинению счастья, был бы рекомендательным путеводителем, надписью при развилке выбора каждым своей судьбы.

Вернемся к «ра». Где наиболее плодотворна, сокровенно чаема его встреча с «ча»? На «вече» «жи-ла». Там встреча и встретившиеся вечны, миг чуден, прекрасен. Там случается са-к-ра-ль-ное, миг-вск, переполняющий чашу счастья ловцов. Лучится, обнимая ореолом всех удачников, баловней и неудачников, краса общеудияющей кровипокрова сокровенного Об-раза. Там рдеет радостью Родина. Одаривание ловцов счастьем Родины переливается, взлетает резонансно в радийность ими места своего сбора: там, где мы стоим — а нас немало: «сто», — там на-стоящее, дар, «ля», наш ларь, с-ток=исток ряля.

Мы раля радийного лара Родины, сокровищ кровного покрова Образа Жи». — Такова мораль встречи красы и сакры в настоящем месте, в истине «ла», соборность слова.

А время? Проще пареной репы ответ: вече-ра. Какой же русский не знает, как дороги вечера его радийной Родины? О подмосковных поет Соловьев-Седой. Торит радость на х-у-торах близ Диканьки, где кипящая шалая младость успокаивается в дивное, ласково-нежное таинственное сияние ночи, Гоголь. Победно, царственно пишет Николай Васильевич. Измученный, распятый крестным путем христианской веры Достоевский поет осанну часу закатному. Плывет над Русью вечерний звон... с вечера до утра, мига утраты, раны «ра», играет радость «ла», ведется сокровенный счет узорам случаев в калейдоскопной вязи «жи». Разве радость эсхатологична, Го-рацио? Ра вечно на челах, заветно в ли-рах, вел(и)чаво в ликах Образа.

Татьяны милый идеал Пушкин одарил родом Лариных. Возлюбленная доктора Живаго Лара. Вся новоевропейская лирика начинается с воздвижения из камней драгоценных арки Лауре Петр-аркой. В невестах нашего первейшего поэта случайно были Оленина, Ушакова. С невероятным упорством бился Александр Сергеевич за венец с бесприданницей Гончаровой. Он предпочел дуэль и смерть, чтобы образ Мадонны жил-радил непорочно.

Бывают странные сближенья слов в звуко-чуйной ипостаси со зримо-грубой, практичной, прагматичной стороной «жи», и логосом жизни, влияющие на извивы истечения и сплетения судьбы ловца. И сохранение чаемого лика в Образе Родины, возрастания в ней поколения и «я», т.е. величие вече-ра может оказаться предпочтительнее идиллии длящегося максимально «ла» в «жи».

Без вече-ра жи-ла вел-лик-ого ловца оборачивается в ложь, лежище в луже, ла-жу, скукоживающуюся в разладе и про-пасти бездонной между мигом и веком, ут-ра(та)ми ранними и вечерами. Лары и вдруг рыла. Друг вдруг недруг.

Чем «ра» отлично от «ла»? Как и почему суммарный позитив обоих превращается в супротивное радости ловцов ЧП? Рацио преимущественно интересуется вторым вопросом, поглощен им почти всецело. В волнении, игре случаев звуко-чуйности ответ наличен: случай, череда их, тем более строгая, цепная последовательность не есть всеобщность и необходимость, ни Промысел, ни фатум, Рок, неизбежность. Случай случаен, необходимость в нем прорастает в обеспечении «жи» от случая к случаю. Если «ла» срединна для человека, непосредственно связана, на-лична в сердце его, в ис-пол-ненности

«че→ча», то «ра» более опосредованно с целостью «жи», в исполнении самом пульсирует. Произнесение, артикуляция «ра» требует больших усилий и напряжений, чем «ла», и заряжается и разряжается более прерывно. В привычном для нас значении «ра» связано с трудом, трением, терпением. Радение, усердие. Работа — особая игра случаев, где спорят-борются раб и баран, где, забегаая вперед, «от-ность» между «ра» и «ля», иди-отность робы, раба как говорящего орудия, прогресс пытается заменить роботами, автоматизацией работ. «Ра» вторгается в «жи-ла», опосредует и преобразует их связи, занимая равное с ними достоинство в целости, единоразличном «жи-ра-ля».

«Человек» с «ра» есть ловец-рача. Реча — словник, оратай и оратор. Словие слов (речезвучие) теснейшим образом переплетено с речеделием «жи» телесной, с рукоделием. Шумы, гам звуков, вовлекаясь в активность рукодельного поддержания «жи», обряжаются в речь, словесные звуки. Звуки, сопровождающие «ра», заряжаются ее радионным излучением, обретают сакрально-магическое значение. Скорее всего в нарождающееся значение звуко-слова входят не «чисто» предметные определения, а оно вкупе с косматостью значений, сопровождающих лов «ла». Если сие так, то чуть проясняются мифы о знании предками языков леса и ручьев, зверей и птиц. Лов не жестко отделенная от остального «функция», а волнующееся в определенном ритме, темпе и направлении рождение случаев новой «жи-ла», включающее риск неудачи, опасностей и гибели в процессе игры с «ра», аналогично дерганию тигра за усы.

Когда слово-ротные звуки обрели самостоятельность, стали особой струей в течении «жи», словами, непосредственное переплетенными между собой, а не с рукословием, когда тем более провозглашено «рцы слово твердо», поскольку оно Слово Божье, возникает предпосылка для рационального истолкования «жи-ла» как животного, а не собственного человеческого, а «ра» как работы раба Все-вышнего во имя искупления своего греха в испорченном первочеловеком Творении. Живое как таковое формально, но не во всех отношениях логично, отождествляется с животностью. Животная монополия на живое, низводящая его другие конкретности, например растения и человека, на второстепенно-производные позиции, абсолютизирует социально-культурные особенности человеческой истории, закрепляемые определенной идеологией в качестве непреходящей и полной истины. Как и в растении, живое в человеке не животно. Оно человеческое вот уже 2,5 миллиона лет или 50 тысяч лет — столько, сколько существует человек. Живое в человеке биосоциально (культурно), а не животно. Между первым и вторым лежит

процесс антропосоциогенеза и его результатов. Сравнение живого в животных и человеке — это сравнение двух сущностно разных конкретностей, а не различных проявлений одной — животной — конкретности. Как «совершенства» биосоциального живого не вытекают из творения Творцом своего любимца, так и «низости», совершаемые людьми, нечего приписывать животным. Нечего животным пенять на собственную кривость. Поэтому когда мы определили человека только лишь как живого ловца «ла», в его желанной жильности, мы еще не знаем, вышли ли мы за границы его биосоциальности, «опустились» ли в биоживотность.

«Ра» — исток завязи человеческого, но вовсе не исток, равный совершенству, к которому надо вернуться из рабства работ пота, крови и рождения в греховном мире. Застылая расколотость супротивности рая и раб-оты христианской веры, в коей рацию чтит сверхразумное, если не сказать лебезит перед ним, зиждется на определенном — весьма узком, соответствующем давнему историческому времени — соотношении рода и его разновидностей. Именно там, где одна — животная — разновидность отождествляется с родом, всеобщностью живого вообще. Мои звуко-чуйные суждения располагаются в пространстве равнодостоинства всех видов живого в отношении к их родовым всеобщностям. Акцент на конкретно-исторических необходимостях дления «жи» самовитыми видами позволяет недоопределять, сохранять неопределенность родовых всеобщностей, особенно в вопросе воплощения их полноты и совершенства в одной или нескольких единичностях.

Диалектика рацию в звуко-чуйном переживании всеобщего-особенного и единичного близка к народному обобщению в сказках и настороженно дистанцированно относится к формально-логическим построениям профессоров. Зачин сказок «жили-были» предельно мудр. В нем сконцентрирован и итог человеков: были. Да не сплыли бесполезно, не канули с концами в Лету, а бесконечно живут в летах всех новых и новых поколений людей: были-на живым. В чем же урок добрым молодцам и девицам красавицам? Об этом и рассказ: раз(десь)-сказано-указано. Сплетение образной жильности, самовитых капризов судьбы. Чтоб ты там был и на пиру мирском жи-ро-вал, своего журавля с небес чайть собирался — по усам текло...

Жи-ра-в-ла непосредственно есть веда еды. Недоступное ранее, но случайно вкушенное, ранившее проникновенно, поразившее разой ража сокровенности, кровно манящее покровом сопряжения ныне разъятого — биение «ра» в пульсации «ла», их пляска в стече-

нии резонанса и оптимума движений в один танец. Ловец «ла» есть то, что он ест, чем питается-пытается. Чары чрева, утробы его разят, складываются случаями удач и неудач в ударный образ человека.

Звуко-чуйное определение «конкретность», срашенность образа и человека в первоизданной истории самовитости. Человек вне образа, как логическое понятие, очищение сути (природы) от случайных явлений — это абстракция логоса. Правда, и сама звуко-чуйность вне видения (оптики) и рисующего картины мышления абстрактна, неполна. Только в стереоскопическом единении играющих всеми способностями человека граней конкретности его переживаний являются драгоценностями целой драмы, а чело венчается пиитическими ла-в-ра-ми.

Вторгаясь в жи-ла, ра опосредует и преобразует их прежние связи и способ волнения, приносит с собой в начала ударность. Ранее неналичное на-чинается ранами ударно-сокровенных даров. «до» и «де» коих напряженно бьется в единении с «ла», т.е. де-ла-ется, речется ударно словесами всех способностей в исполнении возраста жи-ла. Что де-лать? «Ла» рачительно дарить. Жи-ла=череда делаемых даров. Очаровывание жи-ла удар-ами, за-ра-за (по)ранения ее спонтанности ражом к-ра-вя. Покровом кровности, радийной сокровенности. Мы в ра-лях лавров. На ралле ко призам ларей сокровищ жи, ее ладов и складов в образ. От первых «ладушек», которыми питают бабушки, до моги-ла на клад-бище родовом.

Ра→на в да-ля. В дали ра одаривается и делится долей. Дар — следанная и раз-деленная доля кровной правды-кривды, «ла» добра и зла.

Де-лан-ное делится кратно, т.е. равноцельно по ртам, по числу гор-лов, жер-лов жратвы, едаков рати образа человеческого. Ловец есть то, что он ест, в чем его жи-ра-ла-ние. Чело чревато чревом, утробой. Вес словес чревовещателен, по-зывает утробный. Черда чар жи-ла чревата, течет через чрево-словесность «рук» и речи. Горло — горловина чрева, открываемая р(о)том, жерло пламенеющего кровью чар делания, жар-раж ударности.

«Ра» ранит «ла», поражает прежнюю спонтанность жи-ла, но ради ее начинения самым сокровенным. Дополняющее, расширяющее «ла» кровность возникает и из нее (ради ее целавания) и вне ее, из того, что непосредственно не было позитивом прежнего образа. «Ра» разит ударно из-за «ля», есть поражения за-ра-зой чародейства. Жи-ла=череда даров, чар через чрево, ударная радийность из-за, волнуемая(ся) игра граней образа, раз-дельяющего чары кровности на прежде мимое ему. Обагрение, рдение, рачение того, что было вне чародейства, нейтрально к нарядно-парадному равенству с ним

и равнению на него вплоть до ровности тожества. Начала чела ловцов в «ра» ударяются в даялях чародейства ради череды, долей сокровищ чрева; радужную пульсацию жатвы-жратвы образа черпают из-за, покрывая всю мимость («равнодушие») равенством «ла», словесами своего образа «жи».

Важна, по крайней мере на старте, в истоке нерасторжимость «из-за» в единении радения с жи-ла. «Ра» возникает и выталкивается в «за» из «ла». Без полнения начинкой «ра», из-о-лированно, «ла» есть зло. «Ла» с «ба», в пределе истечения, истончения есть с-ла-бо-сть (бал, балл, баланс, балагур и т.д. — противоположны по звуко-чуйному смыслу). Из «ла» в из-за ла-ра есть за-ра, заря чародейства, раненое разом деяния, спонтанное безделие ла — лень. Зори ранние, утрата «ля», уход из жила в «за», в череду действия чар. Рань утра зарится деланием —ра-день-ем. Днем чародейство разит в «за», ло-вом исцеляет «ла», исходит в за-полнение вечера. Радость зари вечерней, чаро-дарение величавых ликов в равно-Об(шем)-разе чело-Веков. Чаемая встреча чародеев чудес жи-ла, по старо-славянски, словлено как съра. Таково одно из произношений, означающих для иностранцев русских. Загадочность русско-славянской души примечена здесь именно в ликовании, очарование встречей всех, где каждый предстает как радетель усердный Образа человеческого, сияющий в Едином ореоле (ауре) лик великий, равно величавый.

Чародейство вершится вне формального тожества жила, из жжения тожества «ла», но оно посюсторонне желаниям ловцов; «за» — зона мимости, манящей поразить себя кровностью, череда из-за не выходит за предельность потусторонних желаний, в пределы от-чаяния. Поэтому христианство против чародейства земного, оно есть знание **потусторонности** чудес. В нем сказывается прогресс научности, рациональности по сравнению с язычеством. Примечательность случаев необходимости удачи, исцеления жила в чародействе сменяется желанием логоса четко различить случайность случаев и случаи на-сушной необходимости как череды проявлений в само-движении целого в процессе обеспечения своего самосохранения в ином и через иное. Словесное деяние чудес, деечарство посредством примечательных слов, опыт искусства сплетения случаев в венки судьбы без отнесения к все сотворившему Слову-Богу, вне него квалифицируется христианством как суеверие, незнание необходимостей природы, некритическая оценка человеческих желаний и воли в силу того, что «мета» еще не стала «предметом», бытием у себя. Христианство — наука смирения желаний и воли человека в безграничности их чародейства и одновременно утешение рацио, столкнувшегося с логосом

природы как неизбежным роком, как необоримой необходимости смерти всего уникального, в Абсолюте олицетворенном, живом, человеческом. Если «смирение» создает предпосылки для «объективности», для математического исчисления качественных мер предметностей, то Абсолют, его Провидение, покровительство человеческим желаниям сохраняет и в определенных направлениях усиливает «субъективизм» язычества, формализует в рационально обосновываемых положениях, догматах абсолютность веры. Очищает суеверие случаев до веры в Абсолют Лица, необходимой именно природе человека. Вера в Абсолют и необходимость природы — близнецы, двуликость Януса.

«Вера» в звуко-чуйном осмыслении чародейства, дары удара озарения есть верчение ра→ер в зоне «за», вдали от «ла». Нас интересует именно связь «ра» с «ла» («за» артикулируется позднее). Поскольку ритм «из-за» проникает, пропитывает обе стороны целиком, то и «ра» в своей за-ра-зе исходит в «ла», радиюно излучается в него. Радейность величается «ла-в-ра»-ми. Вечерами мы лаврами венчаемся, ликуем. «Из→за»→счаславна. Тщета еще не предъявляет счета тщеславию, ибо тьмы и тыщи переливаются славой, чаша чародейства полна, чрез край-на, целее более раннего. Из-бавлена от заразы занозной чудом «ра».

«Вера» как верчение, «ер в за», есть и возвращение «ра» в «ла», есть вера в посюсторонность счастья здесь, на земле. «Земля»-з(десь)ем-ля-я. Случай жила на земле с «ра» в ритме череды из-за, в через-но-сти чародейства заноз и роз, роста. Лавры —случай лучезарный, гори-зональный.

В «жи» динамика сопряжения «ра» и «ла» им-пульсивна, экстаична, единойдвойка в «из-за». В своем хороводе они противоположны **потусторонности** Абсолюта, не доходят своим умом до за-уми чистого логоса, строгого подчинения рефлексии через абсолютное тождество. В «за» «ра» — странник, сердце которого зашлось заразой, жаром-ражом утренней зари горизонта. Он грезит розовейностью незнаемой розы, угрозы грозы, гром и молния его не страшат, лань моланьи ему желанна, жар-птица. Если в непосредственности с «ла», «ра» — ми-ло-сердие, жар радения жалостливого сердца (середины, сгустка «жи» ловца), то вне «ла», но в задушевности с ним «ра» — это сторона, страна, грань, край. «Ла» образа в краю «ра» — это об-ла-ка. Этот достаточно громоздкий и неуклюжий анализ гениально выраж-ен Пушкиным: «Редет облаков летучая гряда». Магию слов, вечно рдеющую для рацию в бессознательном, звуко-чуйность пытается представить ошутимо и... рационально.

Еще раз подчеркнем, что «край» звуко-чуйности благожелателен для логоса, стимулирует определенные грани рационального анализа, ранее пребывавшие в тени. Исключается лишь рациональность «вообще», жесткое — вне различия и разности — тождество, саморефлексия как центр и монополия целей логоса, превращающая его самостоятельность и самодостаточность в самодовлеющий Абсолют. Чтобы необходимые черты логоса из специфических отличий стали особенностями одного-единственного Всеобщего, «за» должно быть не просто краем «из», с ним сопряженным, но как раз краем, вне всякого сопряжения сего «из-за», т.е. «за» второго, потустороннего порядка. Рациональная струя христианства выносит «ра» за всякие пределы зорь и облаков земного и космического горизонта, ее вечн(ст)ь не знает чар вечеров близ, даров чародейства. Воскрешение телесности (бесплотной?), воплощение Слова в совершенную плоть земную, да и само Творение твари из Ничто (не было Богу печали, завел порося) — все это уступки чистого радио чувственности и народной вере, до него не растущей, не желающей дерзости отчаянных чаяний цельного тождества.

Звуко-чуйное переживание магии слов, аналитика ее логосом пытается филигранить образ человека, одарить его чарами лова веча «жи» в словах обычного русского языка, вне специализирования его разными «логиями».

Возражений тьма. «Дедукции» логоса притянуты за уши. Не желает учиться в системе фактов, аргументов, точных определений научной классики, лишь бы бить баклуши, раз-вешивать уши, водить за нос, за-бить горло по самое небо глотки. С бельмом на глазах и без извилин (само-витости радейной) в мозгах получается дрянь, а не фили-грань. Интерпретация прошлого и Святого — как лапша на уши легла. «Ла» и «Ра» полно не только в ланях, дарах, чарах и т.д., но и в балагане, бардаке... Одним словом, барахло. Не храм, а хлам. Пожалуй, последний шанс для «жи» звуко-чуйности пожалуй. Пушай покажет себя в аналитике случаев не времен царя Гороха, а в злобе дня, разложит политику нашу. Страна дураков, а все не везет. Раз за разом. Хотим лучиться, а получается как всегда. В чем тут дело? что за дар? Итак, отправляйся-ка ты звуко-чуйность во власть, ненарядно, из ряда вон плохо радио в нашем царстве-государстве.

Раз послали гонца, то далеко до конца...

Примечания

- ¹ М., «Прогресс», «Универс», 1994. Т. 4. С. 1381.
- ² «Закрытость» не «замкнутость», как и «открытость» не «сквозность», в коей «чужое» выдувает, сдувает «свое». Структура «закрытость-открытость», регулируемая специальными приспособлениями (например, двери, окна, труба дома), более приемлема для обозначения динамики живого, чем жесткое противу-стояние «замкнутый» (изолированный) — «открытый» (настежь распахнутый, насквозь продувной).
- ³ NB для рации: встреча вовсе не с пред-метом, т.е. с тем, что (кто. и сам по себе и для себя есть), но возникает вдруг, в страстно желаемом и все же неожиданном ходе навстречу.
- ⁴ Божественное озарение — по ту сторону.
- ⁵ Не тут ли стихия чистого чувства-юмора? Не потому ли рацию част его умирить, что его труднее всего однозначно и точно зафиксировать?